

Источник: Шекспир У. Король Лир / пер. Ю. И. Лифшица [Электронный ресурс] // Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир». URL: http://rus-shake.ru/translations/King_Lear/Lifshits/2005/ [2014].

У. ШЕКСПИР

КОРОЛЬ ЛИР

Перевод с английского [Юрия Лифшица](#)

Действующие лица

ЛИР, король Британии.

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ (ФРАНЦУЗ).

ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ (БУРГУНДЕЦ).

ГЕРЦОГ КОРНУЭЛЬСКИЙ (КОРНУОЛЛ).

ГЕРЦОГ АЛЬБАНСКИЙ (АЛЬБАНИ).

ГРАФ КЕНТ.

ГРАФ ГЛОСТЕР.

ЭДГАР, сын Глостера.

ЭДМУНД, побочный сын Глостера.

КУРАН, придворный.

СТАРИК, арендатор у Глостера.

ВРАЧ.

ШУТ.

ОСВАЛЬД, дворецкий Гонерильи.

ОФИЦЕР под командой у Эдмунда.

ПРИДВОРНЫЙ из свиты Корделии.

ГЛАШАТАЙ.

ГОНЕРИЛЬЯ

РЕГАНА

КОРДЕЛИЯ

} дочери Лира.

РЫЦАРИ ИЗ СВИТЫ ЛИРА, ОФИЦЕРЫ, ГОНЦЫ, СОЛДАТЫ и ПРИБЛИЖЕННЫЕ.

Место действия — Британия.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Дворец короля Лира. Приемный зал.

Входят КЕНТ, ГЛОСТЕР и ЭДМУНД.

КЕНТ. Разве король не оказывал предпочтение герцогу Альбанскому перед герцогом Корнуэльским?

ГЛОСТЕР. Да, но так нам казалось до разделения королевства. А когда оказалось, что их доли равны, и ни одна из них, как ни прикидывай, другую не перевесит, уже не скажешь, который из двух герцогов в чести у короля.

КЕНТ. Как этот юноша на вас похож.

ГЛОСТЕР. Его выдает порода, сэр, — ведь я лично позаботился об этом сходстве. Я давно уже не краснею, признаваясь в этом, — закалился.

КЕНТ. Я что-то не могу взять этого в толк.

ГЛОСТЕР. Зато его мать была женщиной толковой: в одночасье потолстела и, не побывав замужем, уже нянчилась с младенцем. Так и отдает грехом, не правда ли?

КЕНТ. Не стоит сожалеть о грехе, если он дает такие славные плоды.

ГЛОСТЕР. Он на год с лишним младше моего первенца, законность рождения которого не мешает мне любить и этого плута. Он явился на свет неожиданно-негаданно, никого не спросясь, но мать у него была чудо как хороша. Я получил такое наслаждение, когда мастерила этого сукина сына, что мне теперь просто грех отказываться от отцовства. Тебе знаком этот благородный джентльмен, Эдмунд?

ЭДМУНД. Никак нет, милорд.

ГЛОСТЕР. Тогда заруби себе на носу: это достопочтенный граф Кент, мой самый лучший друг.

ЭДМУНД. Я слуга его светлости.

КЕНТ. Надеюсь, вы со временем заслужите мою любовь.

ЭДМУНД. А я надеюсь, милорд, оправдать ваши надежды.

ГЛОСТЕР. Граф Кент вернулся ненадолго из девятилетней отлучки... А вот и король.

Трубы. Вносят герцогскую корону.

Входят ЛИР, КОРНУОЛЛ, АЛЬБАНИ, ГОНЕРИЛЬЯ, РЕГАНА, КОРДЕЛИЯ *и*
СВИТА.

ЛИР. Прошу вас, Глостер, к нам препроводить
Француза и Бургундца.

ГЛОСТЕР. Повинуюсь.

(ГЛОСТЕР и ЭДМУНД уходят.)

ЛИР. А мы прольем на мысли наши свет.
Подайте карту. Наше королевство
Мы делим на три. Нам давно пора
От груза дел избавить нашу старость,
Взвалить его на юных и здоровых
И без хлопот на кладбище ползти.
Но чтобы наши милые зятья,
Вы, Корнуолл и Альбани, в дальнейшем
Не перегрызлись, мы за дочерьми
Уделы их публично закрепим.
Решенья ждут и брачные посольства
Француза и Бургундца — претендентов
На руку нашей дочери меньшей.
Ну-с, дочки, вам теперь владеть страной
И править вместо нас, и та, кто лучше
Свою любовь к нам выразит словами,
К природным свойствам приобщит заслугу, —
Достойна будет щедрости двойной.
Начнем со старшей дочки Гонерильи.
ГОНЕРИЛЬЯ. Моя любовь богаче всяких слов.
Вы для меня весь мир, вы — жизнь моя,
Сокровище мое. За вас отдам я
Здоровье, зренье, счастье, совесть, честь.

Ни разу дочь отца так не любила,
Чтоб от любви к нему сводило горло
И прерывалась речь, как у меня.
Такой любви еще не видел свет.
КОРДЕЛИЯ (*в сторону*). Что на вопрос любимого отца
Корделия ответит? Промолчит.
ЛИР. От сих до сих — владения твои.
Отныне ты хозяйка тучных нив,
Густых дубрав, глубоководных рек
И заливных лугов, — навек твоих
И твоего от Альбани потомства.
А что супруга Корнуолла скажет,
Вторая дочь — дражайшая Регана?
РЕГАНА. Я и сестра — одной и той же пробы,
И стоим мы равно. В моей душе
Нашла она своей любви слова —
Но далеко не все, тогда как мне
Противна даже мысль о наслаждениях,
Присущих человеческой природе,
И к вашему величеству любовь
Одна счастливой делает меня.
КОРДЕЛИЯ (*в сторону*). Корделия, бедна ты на слова,
Зато богаче всех своей любовью.
ЛИР. Владеть тебе и отпрыскам твоим
Вот этой третью в нашем славном крае,
Не менее привольной и обильной,
Чем земли старшей. Ну, а ты, меньшая,
Последняя, но все ж не из последних,
Коль скоро служишь яблоком раздора
Меж вин французских и бургундских сливок.
Утеха наша, чем ты нас утетишь,
Чтоб лакомый кусочек заиметь?
КОРДЕЛИЯ. Ничем.

Своих детей, в душе моей вернее
Печаль и жалость вызовут, чем ты,
Моя навек отверженная дочь.
КЕНТ. Мой повелитель...

ЛИР. Кент, не продолжай!
Не задевай взбешенного дракона!
Мечтал я у нее, любимой дочки,
Свою понежить старость. Прочь, змея!
И пусть я буду корчиться в аду,
Не жди отцовского благословенья! —
Ну, где Француз? Оглохли? Где Бургундец? —
Вы, Корнуолл и Альбани, к уделам
Супруг и этот присовокупите.
Пусть честность, а на деле — просто вредность
Ей свахой будет. Вам, зятя, обоим
Дается власть с букетом привилегий,
Сопутствующих сану. Вы должны
По очереди месяц содержать
И нас и сотню рыцарей при нас
На полном пансионе. Сохраняем
Мы только титул наш и атрибуты.
А отправление власти, сбор налогов
И прочие права даются вам,
Любезные сыны, — клянусь короной!
Делите — вот она.

КЕНТ. Державный Лир!
Я чтил, как верноподданный, тебя;
Любил, как сын; служил тебе, как пес;
И, как язычник, на тебя молился...

ЛИР. Стрела на луке, под руку не лезь!
КЕНТ. Стреляй мне в грудь, но целься поточней.
Кент обнаглел, поскольку Лир взбесился.
Ты что творишь, старик? Ты полагаешь,

Что если вьется лесть перед престолом,
То струсит честь? Да здравствует правдивость,
Когда безумьем власть поражена!
Надень венец, немедля обезвредь
Свою скоропалительную дурость!
Убей меня — но я тебе скажу:
Корделии негромкая любовь
Куда сильнее, чем стрекотня сестер,
Усиленная пустотою сердца.
ЛИР. Кент, замолчи! Не то простишься с жизнью.
КЕНТ. Я за нее не тряся никогда,
Но ею жертвовал неоднократно,
Когда с твоими недругами дрался.
И для тебя готов я...
ЛИР.   Вон отсюда!
Чтоб я тебя не видел во дворце!
КЕНТ. А видеть, Лир, тебе не помешало б.
Но правда колет, видимо, глаза.
ЛИР. Пресветлый Феб...
КЕНТ.   Пресветлый Феб услышит
Божбу твою напрасную, король.
ЛИР. Мерзавец! Еретик!

(Хватается за меч.)

КОРНУОЛЛ и АЛЬБАНИ. Милорд, не нужно!
КЕНТ. Убей врача, а тяжелобольных,
Заразу разносящих, награди!
Страну не раздавай, не то я буду
Кричать до хрипоты, что ты — злодей.
ЛИР. Ах ты изменник! Ну, так слушай, раб,
Что скажет господин. За то, что ты
Нас подбивал на клятвопреступление, —

Чем запятнал нас, — и меж нашим словом
И нашим делом клин пытался вбить, —
Что нашему противно естеству, —
Ты на себе, зарвавшийся слуга,
Почуешь нашу силу. Если ты
В пять дней не подготовишься к изгнанию,
Чтоб на шестой и духу твоего
Здесь не было, и если на десятый
Найдут в округе твой ходячий труп,
То ты умрешь, Юпитером клянусь!
Проваливай! Пощады не проси!
КЕНТ. Прощай, король. Со мной моя сума.
В изгнании — свобода, здесь — тюрьма.

(КОРДЕЛИИ.)

Пусть небеса тебя благословят
За честность и нелицемерный взгляд.

(ГОНЕРИЛЬЕ и РЕГАНЕ.)

За речи ваши честь вам и хвала,
Но это все слова, а не дела.

(АЛЬБАНИ и КОРНУОЛЛУ.)

Уходит Кент. Нигде и никогда
Себе он не изменит, господа.

(Уходит.)

Трубы. Возвращается ГЛОСТЕР с ФРАНЦУЗОМ, БУРГУНДЦЕМ и СВИТОЙ.

ГЛОСТЕР. Король и герцог здесь по вашей просьбе,
Мой добрый государь.

ЛИР.
Король и герцог,
За нашу дочь вы сватаетесь оба,
Но вас я, герцог, первого спрошу:
Какие минимальные размеры
Приданого устроят вас, позволят
Ее руки и сердца добиваться?
БУРГУНДЕЦ. Державный государь, я бы просил
Не больше, чем вы сами обещали,
Но, если вам угодно, и не меньше.
ЛИР. Но это было раньше, милый герцог.
Она теперь не стоит и того.
Подешевела. Вот она, любуйтесь.
И если вам хоть чем-нибудь подходит
Ничтожество, упавшее в цене,
Снабженное немилостью отцовой,
То ваше, разумеется, оно.
БУРГУНДЕЦ. Я не совсем вас понял, государь.
ЛИР. Откажетесь вы или согласитесь
На нашей бывшей дочери жениться
С приданым в виде слабостей природных,
Проклятья, ненависти, нищеты?
БУРГУНДЕЦ. Прошу прощения, добрый государь.
Я при таком раскладе не играю.
ЛИР. Вот и прекрасно. Титулом клянусь,
Ее богатство целиком при ней.

(ФРАНЦУЗУ.)

А если вам всучить ее, король,
То, значит, вовсе вас не уважать.
А эта дрянь, исчадие Природы,

Стыдящейся в глаза ей посмотреть,
Не стоит вас.
ФРАНЦУЗ. Уму непостижимо!
Бесценная, любимейшая дочь,
Которой нахвалиться не могли,
Бальзам для старческой души, и вдруг —
Такие преступления совершает,
Что разрушает в дорогом отце
Любовь к себе. Наверно, грех ее
Чудовищен и противоприроден,
А то мне плохо верится, что вы
Отечески к ней прежде относились.
Мой разум в состоянье только чудом
Уверовать в такие чудеса.
КОРДЕЛИЯ. Молю вас, государь, за то, что я
Не научилась дифирамбы петь
И лить елей словесный не умею,
И клятвы больше дела не ценю,
Напраслину при всех не возводите:
Что, дескать, я кого-то отравила,
Себя нецеломудренно вела,
Хулила бога, и за это вы
Ко мне переменились. Вовсе нет.
Немилость заслужила я за то,
Что есть во мне хорошего, точнее —
За то, чего, по счастью, нет во мне:
Холуйских глаз и раболепных слов!
ЛИР. Ты лучше бы и вовсе не жила,
Чем жить без благосклонности моей.
ФРАНЦУЗ. И это все? Естественная скромность
И молчаливость подлинной любви,
Хранимой в сердце? Герцог, ваше мнение?
Что можете сказать об этой леди?

Любовь, которая замутнена
Исканьем выгод, — это не любовь.
Кто эту бесприданницу получит,
Богаче станет вдвое. Вы согласны
Взять в жены эту девушку?
БУРГУНДЕЦ. Король,
Отдайте мне назначенную треть
И я клянусь Корделию назвать
Бургундской герцогиней.
ЛИР. Не отдам.
Я клятвою поклялся нерушимой.
БУРГУНДЕЦ. Жаль, госпожа, но вы, отца утратив,
Теряете вдобавок жениха.
КОРДЕЛИЯ. Ну, что вы, герцог! Мне ничуть не жаль,
Что вы, любовь корыстью подменив,
Не нарекли супругою невесту.
ФРАНЦУЗ. Нет, бедная Корделия моя,
Не ты бедна, но я тобой богат.
Ты стала мне милее и дороже,
Хотя все отказались от тебя.
Любимая, обвитая хулою;
Избранница, подобранная мной
С набором совершенств. О боги, боги!
То, что презренья холодом объято,
Люблю я чисто, пламенно и свято.
Ты не дал ей приданого, король, —
Взять нас и нашу Францию позволь.
Не дам бургундской трезвости отраду —
Мою не награжденную награду.
Простись же, непростенная, с отцом,
И счастье мы в несчастье обречем.
ЛИР. Нет у нее отца. За ради бога
Ее бери, и скатертью дорога. —

Теперь без отчей ласки и любви,
И без благословения живи. —
Идемте, герцог.

(Трубы. ЛИР, БУРГУНДЕЦ, АЛЬБАНИ, КОРНУОЛЛ, ГЛОСТЕР и СВИТА уходят.)

ФРАНЦУЗ. С сестрами простись.

КОРДЕЛИЯ. Жемчужины отцовские, прощайте!

Глаза мои в слезах, но вижу я,
Что вы за птицы. То, что заслужили,
Не будь вы сестры, я бы вам сказала.
Ну, что ж, ухаживайте за отцом,
Хотя надежды мало на притворщиц.
Со мною обошелся он сурово.
Теперь, боюсь, останется без крова.
Прощайте, сестры.

РЕГАНА. Знаем без тебя,
Как угодить отцу.

ГОНЕРИЛЬЯ. Подумай лучше,
Что от тебя потребует супруг,
Которому подкидывшем судьбы
Досталась ты. В тебе нет чувства долга —
Поплатишься, и ждать уже недолго.

КОРДЕЛИЯ. Срывает время с черных дел покров,
Разя стыдом и смехом подлецов.
Как бы хотела я в вас ошибиться!

КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКИЙ. Прекрасная Корделия, идем.

(ФРАНЦУЗ и КОРДЕЛИЯ уходят.)

ГОНЕРИЛЬЯ. Сестра, не уходи, надо обсудить очень важный для нас обоих вопрос.
Насколько я поняла, отец нынче же намерен отправиться ко мне.

РЕГАНА. Да, а спустя месяц, — ко мне.

ГОНЕРИЛЬЯ. До чего он дошел на старости лет! А уж о сегодняшней выходке я просто не знаю, что и думать. Из-за какой-то ерунды прогнать любимую дочь. Это чересчур.

РЕГАНА. Старческое слабоумие, больше ничего. Впрочем, благоразумием он никогда не отличался.

ГОНЕРИЛЬЯ. Он буйствовал в самом расцвете сил и здоровья. А теперь только умножит свое врожденное самодурство бесконтрольными припадками неудовольствия. То ли это у него по немощи, то ли от разлития желчи, но нам-то от этого не легче.

РЕГАНА. При его легковозбудимости мы тоже в одночасье разделим участь Кента.

ГОНЕРИЛЬЯ. А эта его, с позволения сказать, церемония прощания с французским королем. Хочешь не хочешь, нам с тобой придется объединить усилия. Если отец не позволит взять в руки бразды правления, то жестокая эта будет шутка — так называемый отказ от власти.

РЕГАНА. Да, подумать есть над чем.

ГОНЕРИЛЬЯ. Думать будем потом, а теперь надо что-то делать по горячим следам.

(Уходят.)

Сцена вторая

Комната в замке Глостера.

Входит ЭДМУНД с письмом в руке.

ЭДМУНД. Тебе, Природа, твоему закону

Подсуден я. Моя богиня — ты.

Неужто я традиции прогнившей

И дикости всеобщей покорюсь?

Позволю обделить себя за то,

Что я внебрачный и моложе брата?

Внебрачный? Забракован, значит? С браком?

Но я ведь ладно скроен, крепко сшит,

А силой духа тем не уступаю,
Кто честною утробой рожден.
За что бракуют нас? За что нас метят
Внебрачности тавром? За то, что некто
Потребность втайне удовлетворяет,
Выплескиваясь с пылкостью, которой
Хватило б на династию хлыщей,
Заделанных ни въяве, ни во сне
Из чувства опостылевшего долга?
Но если мы — законный с незаконным —
Отцом любимы, — я, лишенный прав,
Имею право на твои, законный.
Чудно звучит: «Законный»! Если мне
С письмом, законный братец, повезет,
Тогда в законе будет незаконность.
Я вверх тянусь, я силой наливаюсь.
О небо, незаконных вознеси!

Входит ГЛОСТЕР.

ГЛОСТЕР. Родную дочь ославил! Выгнал Кента!
Француза оскорбил! Уехал в ночь!
Раздал страну! Корону подарил!
Ну, и характер, право! — Здравствуй, Эдмунд.
Что у тебя?
ЭДМУНД. Да вроде ничего,
Коль будет вашей светлости угодно.

(Прячет письмо.)

ГЛОСТЕР. Напрасно ты прячешь эту бумагу — я все вижу. Что там такое?
ЭДМУНД. Вроде ничего особенного не произошло.
ГЛОСТЕР. А письмо зачем спрятал?

ЭДМУНД. Какое письмо?

ГЛОСТЕР. Какое? То самое, которое очутилось в твоём кармане. Да так проворно. Не письмо незачем было и прятать. Позволь взглянуть. Если там нет «ничего особенного», я это увижу и без очков.

ЭДМУНД. Прошу вас, будьте снисходительны, отец. Это письмо брата. Я не успел его дочитать, но если бы знал заранее, что в нём, то и сам бы не стал читать и вам бы не дал.

ГЛОСТЕР. Попробуй не дать. Я жду.

ЭДМУНД. И дать письмо — и грех, и утаить от вас — грех. Как ни мало я прочел, но все-таки успел понять, насколько оно возмутительно.

ГЛОСТЕР. Ладно, ладно, посмотрим.

ЭДМУНД. Спасая доброе имя брата, я готов предположить, что этим письмом он хотел выведать, низок я или нет.

ГЛОСТЕР (*читает*). «К сожалению, мир устроен так, что мы убиваем нашу безденежную молодость постоянным заискиванием перед стариками. А когда Фортуна наконец улыбнется нам, мы уже сами будем кряхтеть да охать и не сможем насладиться ее дарами. Одно из двух: мы либо ленивы, либо рождены рабами, ибо старики тиранят нас в той степени, в какой мы им это позволяем. Приходи, поговорим об этом подробнее. Ах, если бы мне удалось усыпить нашего отца и не будить его до тех пор, пока ты не получишь ровно половину его состояния и пожизненную любовь твоего брата Эдгара». Ого! Тайный сговор! «...усыпить нашего отца... не будить его... половину состояния». И рука Эдгара осмелилась написать такое! Мой сын вынашивает такие планы! Когда ты получил письмо? Кто его доставил?

ЭДМУНД. Никто, милорд. Мне его исхитрились подбросить через окно.

ГЛОСТЕР. По-твоему, это писал Эдгар?

ЭДМУНД. Я бы присягнул в этом, не будь письмо таким мерзким. Возможно, это фальшивка.

ГЛОСТЕР. Но почерк-то его.

ЭДМУНД. Допустим, сэр, но, полагаю, брат писал письмо не от души.

ГЛОСТЕР. А прежде он тебе ничего такого не предлагал?

ЭДМУНД. Ни разу, милорд. Зато он не раз доказывал мне, что взрослым сыновьям следует брать в опеку немощных отцов и хозяйничать самим.

ГЛОСТЕР. Ах он подлец, подлец! Ведь и письмо о том же. Мерзкий негодяй! Гнусный изверг! Подлая тварь! Гадина! Хуже гадины! Беги за ним, сынок. Волоки сюда этого выродка. Что же ты стоишь?

ЭДМУНД. Во-первых, милорд, я не знаю, где он, а во-вторых... Я бы посоветовал вам поступить иначе. Пока вы не располагаете уликами, подтверждающими виновность брата, не давайте воли гневу. Ведь вы можете заблуждаться относительно намерений Эдгара, не так ли? В таком случае вы, учинив над ним насилие, причините урон собственной чести и выбьете из брата остатки уважения к вам. Клянусь жизнью, у Эдгара не было в мыслях ничего дурного. Он, видимо, просто хотел проверить, люблю я вас или нет.

ГЛОСТЕР. Ты, правда, так считаешь?

ЭДМУНД. Вы сами в этом убедитесь, если сообразоволяете спрятаться там, где я вам укажу и откуда вы своими ушами услышите нашу с ним беседу. Прошу вас только потерпеть до вечера.

ГЛОСТЕР. Не изверг же он, в самом-то деле!

ЭДМУНД. Я в этом не сомневаюсь.

ГЛОСТЕР. Я же ему как-никак отец. Я же в нем души не чаял. Небо и земля! Эдмунд, иди к нему, вызнай у него всю подноготную, прошу тебя. Только действуй с умом. Я готов отказаться от всего, лишь бы поскорей все узнать.

ЭДМУНД. Я немедленно пойду к нему, поговорю с ним по-своему и сразу вернусь к вам.

ГЛОСТЕР. Нет, от этих затмений ничего хорошего ждать не приходится. Мало нам лунного — на тебе солнечное! Как ни мудри здесь ученые мужи, но результаты небесной кары налицо. От любви веет холодом, дружба рушится, братья ссорятся. Горожане грызутся, крестьяне бунтуют, придворные продаются на сторону, узы кровного родства рвутся. Сам посуди: здесь сын против отца — мой собственный подлец; там отец против дочери — король идет наперекор природным чувствам. Раньше такого не было. Так и проведешь остаток дней среди подлогов, лжи и вероломства, в этой безумной неразберихе. Сорви личину с негодяя, Эдмунд. В накладе не останешься. Но будь осторожен... Плюс ко всему изгнание благородного и чистосердечного Кента. А в чем его вина? В том, что правду сказал? Не понимаю.

(Уходит.)

ЭДМУНД. Какая же во всем это несусветная глупость! Когда мы получаем от судьбы горькую пилюлю, то виним во всех своих грехах солнце, луну и звезды. А когда нас от самих себя тошнит, мы делаем вид, что от нас ничего не зависит. Дескать, глупость и подлость внушены нам небесами; хитрость, бесчестие и коварство разъедают нас благодаря определенному расположению планет, а пьянством, воровством и развратом мы обязаны излучению светил — словно во всех наших естественных грехах замешаны сверхъестественные силы. Восхитительную лазейку оставляет себе человеческая низость — свою злокозленность списывать на ту или иную звезду! Отец совокупно с матерью зачал меня под хвостом Дракона, родился я под брюхом Большой Медведицы, из чего, дескать, вытекает, что я должен быть наглым и порочным. Бред! Я был бы не лучше и не хуже, чем есть, даже если бы созвездие невинной Девы стыдливо наблюдало с небосклона за моими незаконными родителями. А Эдгар...

(Входит ЭДГАР.)

Он появился в самое время — ни дать ни взять бог из машины в старинных пьесах. Притворюсь-ка я идиотом из Бедлама, унылым и блаженным до омерзения. — О, нам сулят беду события эти. Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля, тра-ля.

ЭДГАР. Здравствуй, Эдмунд. О чем задумался? О чем-нибудь серьезном?

ЭДМУНД. Понимаешь, Эдгар, несколько дней назад я прочел пророчества относительно недавних затмений, и это не выходит у меня из головы.

ЭДГАР. Была охота ломать голову!

ЭДМУНД. Хочешь верь, хочешь нет, но предсказания начинают, к несчастью, сбываться, как по писаному. Между родственниками вспыхивает кровная вражда, усиливается нищета и взаимоистребление, рвутся исконные добрососедские отношения. Зреет государственный переворот, король и знать живут как на пороховой бочке, все и вся ставится под сомнение, верноподданные изгоняются, войска разлагаются, свадьбы расстраиваются, и это еще не все.

ЭДГАР. С каких пор ты ударился в астрологию?

ЭДМУНД. Неважно. А вот когда ты в последний раз говорил с отцом?

ЭДГАР. Вчера вечером.

ЭДМУНД. Как долго?

ЭДГАР. Часа два. А что?

ЭДМУНД. Беседа ваша окончилась мирно? Не был отец чем-нибудь расстроен? Может, он хмурился или бранился?

ЭДГАР. Не было ничего подобного.

ЭДМУНД. За что же он тогда на тебя взъелся? Подумай об этом и, умоляю, сторонись его до поры до времени, дай ему остыть. Он сейчас доведен до белого каления и в состоянии изувечить двадцать таких, как ты.

ЭДГАР. Видимо, какой-то подлец возвел на меня поклеп.

ЭДМУНД. Боюсь, что ты прав. Запасись терпением, пока отец не отбушует. А самое лучшее — запишись в моей комнате и ты сможешь, не выходя из нее, услышать, как он кипятится — такую возможность я тебе предоставлю. Пожалуйста, не возражай, возьми ключ и иди. Захочешь выйти — бери оружие.

ЭДГАР. Оружие? Ты что, брат?

ЭДМУНД. Брат, слушайся меня, я тебе дурного не присоветую. Накажи меня бог, если я лгу и тебе не грозит опасность. То, что я видел и слышал, не идет ни в какое сравнение с моим беглым рассказом; я лишь в общих чертах обрисовал тебе ужас твоего положения. Прячься, пока не поздно, прошу тебя.

ЭДГАР. Но ты зайдешь рассказать мне обо всем?

ЭДМУНД. Я буду держать тебя в курсе событий.

(ЭДГАР уходит.)

Отец мне верит. Брат мой благородный

Не рыл другому яму никогда

И не поймет, как вырыли ему.

Дурить несложно честных дураков.

Безроден я, но, действуя с умом,

Назло безродью буду с барышом.

(Уходит.)

Сцена третья

Покои во дворце герцога Альбанского.

Входят ГОНЕРИЛЬЯ и ОСВАЛЬД.

ГОНЕРИЛЬЯ. Отец избил вассала моего

За то, что тот шута окоротил?

ОСВАЛЬД. Увы, миледи.

ГОНЕРИЛЬЯ. Часу не проходит,

Чтоб он мне чем-нибудь не досадил.

И днем и ночью дикие проказы,

Все кверху дном, и кругом голова.

На рыцарей его не угодишь,

Но им перечить — боже сохрани!

Я видеть эту свору не желаю.

Приедет он с охоты, передай,

Что я больна. Пред ним не лебези.

А если что, ссылайся на меня.

ОСВАЛЬД. Трубят рога. Вот, кажется, и он.

ГОНЕРИЛЬЯ. Забудь о расторопности бывлой

И всем лакеям это накажи.

А не по вкусу будет обхождение, —

Тогда пусть отправляется к сестре.

Но он и там не будет верховодить.

Власть подарил, а корчит властелина.

Но полно старикану потакать.

Седой дурак — что малое дитя.

И дать острастку нужно не шутя.

Все понял ты?

ОСВАЛЬД. Как не понять, миледи.

ГОНЕРИЛЬЯ. И рыцарей прохладно принимать.

Пусть рвут и мечут. Слугам объясни,

Что повод я ищу для ссоры с ним.
Сестра меня поддержит — только надо
Ей написать. Теперь — давай обедать.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Зал в том же дворце.

Входит переодетый КЕНТ.

КЕНТ. Подделать бы манеру изъясняться,
Как внешность удалось переменить,
И цель моя близка, из-за которой
Себя забыл я. Ну, злосчастный Кент,
Хоть из любви к хозяину вернись
Туда, где отказались от тебя,
Но без тебя никак не обойдутся.

За сценой звучат рога.

Входят ЛИР, РЫЦАРИ и СЛУГИ.

ЛИР. Чтобы сию секунду подавали обедать. Никаких проволочек.

(СЛУГА уходит.)

(КЕНТУ.) Кто таков? Какого роду-племени?

КЕНТ. Человеческого, сэр.

ЛИР. Чем промышляешь? К нам зачем пожаловал?

КЕНТ. Промысел мой — быть не хуже, чем я есть; поддерживать того, кто захочет на меня опереться; дорожить тем, кто дорожит собственной честью; слушать того, кто

умней меня и меньше моего болтает; бояться Страшного суда, драться, когда припрет; и не есть рыбы по-иезуитски.

ЛИР. Но кто ты такой, ты все-таки не сказал.

КЕНТ. Я — малый хоть куда, честный и простой, к тому же бедный, как король.

ЛИР. Если ты так же беден для своего сословия, как твой король — для своего, ты и впрямь бедный человек. Чего ты домогаешься?

КЕНТ. Службы.

ЛИР. Кого ты прочишь себе в господа?

КЕНТ. Вас.

ЛИР. Откуда ты меня знаешь?

КЕНТ. Я вас не знаю. Но ваши глаза приказывают мне искать службы именно у вас.

ЛИР. Каким образом?

КЕНТ. Повелительным взглядом, присущим их господину.

ЛИР. На что ты годен?

КЕНТ. Если вы поручите мне сохранить тайну, куда-нибудь сбегать или съездить верхом, перевернуть замысловатое поручение или толково изложить незамысловатое сообщение, на все это я могу сгодиться, как и любой ваш человек, только я это сделаю лучше.

ЛИР. Сколько тебе лет?

КЕНТ. Не так мало, чтобы увлечься женщиной сладкоголосой, но и не так много, чтобы сохнуть по ней беспричинно. У меня за плечами сорок восемь лет.

ЛИР. Подходяще. Послужи мне малость. Если и после обеда я буду тобой доволен, останешься при мне. Эй, кто-нибудь! Велите подавать обед! А где мой дурак? Где шут, я вас спрашиваю? Эй, как тебя, сбегай за моим шутком.

(ДРУГОЙ СЛУГА *уходит.*)

Входит ОСВАЛЬД.

Послушай, приятель, почему я не вижу своей дочери?

ОСВАЛЬД. Если вы позволите... (*Уходит.*)

ЛИР. Он что, очумел? Ну-ка приволоки сюда этого губошлепа!

(РЫЦАРЬ *уходит.*)

Куда запропастился шут? Ого-го-го! Что я, в сонное царство попал?

РЫЦАРЬ *возвращается.*

Что это значит? Где этот собачий выкормыш?

РЫЦАРЬ. По его словам, ваша дочь плохо себя чувствует, милорд.

ЛИР. Почему он пренебрег моим приказом вернуться?

РЫЦАРЬ. Он в самой резкой форме, сэр, отказался вам повиноваться.

ЛИР. Отказался?

РЫЦАРЬ. Простите, милорд, может, я вмешиваюсь не в свое дело, но, судя по всему, с вами, ваше величество, перестали обходиться подобающим образом. Совершенно очевидна убыль гостеприимства со стороны самого герцога, вашей дочери и дворцовых слуг.

ЛИР. Так-таки очевидна?

РЫЦАРЬ. Умоляю вас, милорд, не гневаться на меня за мое, может быть, ошибочное мнение, но для преданного слуги невыносимо видеть, как оскорбляют его господина.

ЛИР. Нет, ты мне открыл глаза на то, в чем сам я не до конца отдавал себе отчета. Я тоже начал смутно ощущать нечто вроде небрежности, но решил, что, скорей всего, я чересчур придирчив, нежели они умышленно дерзки. Посмотрим, что будет дальше. Но где же шут? Я уже два дня не могу его дозваться.

РЫЦАРЬ. Он определенно тоскует по молодой госпоже, уехавшей во Францию.

ЛИР. Молчи. Знаю без тебя. Кто-нибудь, в конце концов, соизволит передать моей дочери, что у меня есть к ней разговор?

(ТРЕТИЙ СЛУГА *уходит.*)

Возвращается ОСВАЛЬД.

Ага, хоть этот явился. Подойдите поближе, сударь, вот сюда, сэр, и скажите мне, милорд, кто я по-вашему такой?

ОСВАЛЬД. Хозяйке моей отец, по-моему.

ЛИР. Хозяйке твоей отец? Ах ты хозяину своему прихвостень! Сучий выродок! Холуйские глаза! Хамово отродье!

ОСВАЛЬД. Прошу прощения, милорд, но я не достоин таких высоких титулов.

ЛИР. Ты еще и в переглядышки вздумал со мной играть? Мерзавец! *(Бьет его.)*

ОСВАЛЬД. Я не дам бить себя, милорд.

КЕНТ. А как насчет подножки, заигравшаяся дрянь? *(Подножкой сбивает его с ног.)*

ЛИР. Благодарю за службу, дружок. Ты мне начинаешь нравиться.

КЕНТ. Эй ты, чего разлегся? Катись отсюда! Будешь знать, с кем говоришь. Пшел вон! Чего стал, орясина? Снова хочешь стать землемерным инструментом? Нет? Тогда пошел вон. Живо! Э, да пока до тебя дойдет... *(Выталкивает ОСВАЛЬДА.)* Так-то лучше будет.

ЛИР. Ну, друг любезный, — что услужил, то услужил. Спасибо. За мной не пропадет. Возьми-ка. *(Дает ему денег.)*

Входит ШУТ.

ШУТ. Лучше наймись ко мне: колпак заработаешь. *(Подает Кенту свой колпак.)*

ЛИР. А, это ты, плут! Где пропадал?

ШУТ. Я тебе дело говорю, приятель, бери колпак-то.

КЕНТ. Какого черта, шут?

ШУТ. А какого шута ты набиваешься в друзья к тому, кто нынче не в чести? Если не чуешь, откуда ветер дует, в два счета простудишься. Мой колпак тебе явно к лицу. Посмотри на этого бедолагу: двух своих дочек он проклял с отчаяния, а третью — благословил невзначай. Без колпака тебе при нем туго придется. Если бы я имел двух дочерей, мне бы понадобилось целых два колпака.

ЛИР. Почему, дружок?

ШУТ. Я бы отдал им все нажитое и остался бы колпак колпаком. Один ты можешь одолжить у меня, другой — у дочек.

ЛИР. Осторожней, болван! Плеткой огрею!

ШУТ. Правда — псина беспородная: все на дворе да в конуре, а для сугрева — плетка. Зато лесть — сука густопсовая: греется у камина и такое от нее идет благо, я бы сказал, воние.

ЛИР. Твои шутки дурно пахнут, шут.

ШУТ. Хочешь, старичок, выучить умный стишок?

ЛИР. Безумно.

ШУТ. Тогда запоминай, дяденька:

Не болтай пустяков,
Дом запри от воров,
Не наделай долгов,
Не топчи башмаков,
Заведи скакунов,
Обходи игроков,
Вечно пьяных дружков
И район бардаков, —
И потраченный грош
Двадцать раз обернешь.

КЕНТ. Ничем ты нас не удивил, шут.

ШУТ. Заплати мне, и я на манер продажного адвоката такое тебе скажу — то-то удивишься. Тогда то, что было ничем, чем-нибудь да станет. Как по-твоему, дяденька, так бывает?

ЛИР. Нет, дурачок, то, что было ничем, ничем и останется.

ШУТ (КЕНТУ). Объясни ему, пожалуйста, чем он стал без своих владений. Шута он к шутам пошлет.

ЛИР. Ты, однако, злой шут.

ШУТ. А тебе доброго подавай. Хочешь я тебе растолкую, чем злой шут отличается от доброго?

ЛИР. Хочу, малыш. Поучи меня, поучи.

ШУТ (*Поет*). Тот умник, с чьей подачи

Всю землю роздал ты,
Глупей шута, иначе
Не лез бы он в шуты.

Злой шут сидит у трона,
На злом — колпак венцом,

А добрый, сняв корону,
Не венчан колпаком.

ЛИР. Уж не меня ли ты шутом называешь, малыш?

ШУТ. Этот твой титул врожденный, ты его никому не всучишь, как прочие, даже если захочешь.

КЕНТ. Он не конченный глупец, милорд.

ШУТ. Я не стану им, даже если возьму на откуп всю глупость: знатные господа непременно войдут в долю, а дамы — оттягают свою. А теперь, дяденька, если ты мне дашь яичко, я тебе свой коронный номер покажу.

ЛИР. Какой еще коронный номер?

ШУТ. А такой. Проткну яичко иголкой, белок-желток высосу, скорлупу расколю пополам, и выйдут из осколков две короны. У тебя была одна корона, ты ее расколол пополам и роздал осколки. То есть ты позволил ослу оседлать себя и пошлепал по грязи с ним на загорбке. Должно быть, не много ума было под твоей венчанной золотом лысиной, если ты ее собственноручно развенчал. Пусть кто-нибудь скажет, что мои слова — шутовство, кнутом того отодрать. *(Поет.)*

Теснят шутов и дураков,
Куска лишая в драке,
Тьмы одуревших мудрецов,
Премудрых, как макаки.

ЛИР. С каких пор у тебя прорезался голос, дружок?

ШУТ. С тех самых, как по твоему приказу дочки стали играть с тобой в матери. Едва ты вручил им по розге и приспустил с себя штанишки... *(Поет.)*

Они от счастья лить слезу,
А я запел с кручины,
Что зад подставил под лозу
Державный дурачина.

Вот бы мне выучиться лгать. Найди мне, дяденька, учителя вранья.

ЛИР. Выучишься врать — хлыста отведаешь.

ШУТ. До чего же ты на дочек своих непохож! Они мне показывают хлыст, когда я говорю правду, ты мне его тычешь в нос, когда я собираюсь солгать, а порой меня хлыщут, когда я пытаюсь отмолчаться. Нет, быть шутком — нешуточное дело. Но даже шутки ради не влез бы я в твою шкуру, бездельник. Ты изрезал свой ум в лоскуты, и остался лоскутным королем. Кстати, вот идет один из твоих лоскутков.

Входит ГОНЕРИЛЬЯ.

ЛИР. Что с тобой, дочка? Ты так пасмурно глядишь. С некоторых пор ты вечно не в духе.

ШУТ. Ты был мужчина что надо, когда плевал на то, в духе она или нет. А теперь ты нуль без палочки, и ценишься ниже меня. Как ни мала цена шуту, ты и вовсе за бесценок идешь. (ГОНЕРИЛЬЕ.) Умолкаю, ваше сиятельство. Ваше безмолвие весьма красноречиво велит мне заткнуться. (*Указывая на ЛИРА.*)

У него под старость лет
Нет горбушки на обед.

Ни горошинки в стручке.

Молчу, молчу, молчу.

ГОНЕРИЛЬЯ. Добро б еще дурак ваш своевольный,

Так нет, все ваши присные дерзят,

Бесчинствуют и время коротают

В немыслимых и гнусных кутежах.

Я вас просила свиту обуздать,

Но зря старалась. Хоть и слишком поздно,

Но, к вам прислушавшись и присмотревшись,

Я поняла, что, к моему стыду,

Вы чуть ли не зачинщик этих оргий.

Иначе грех без кары не остался б.

Уж мы бы позаботились о том

Во имя блага и здоровья края.

И как бы вы потом ни обижались,
Мы без стеснения сделали бы все,
Что требуют оглячивость и мудрость.
ШУТ. Так-то вот, дяденька.
Кукушек воробей вскормил
На голову свою:
Разбили те, набравшись сил,
Макушку воробью.
Задув свечу, во мраке мы сидим.
ЛИР. И это наша дочь?
ГОНЕРИЛЬЯ. Я полагаю,
Что достучусь до вашего рассудка,
Которым вы богаты и который
Избавит вас от нынешних причуд,
Несовместимых с вашим положением.
ШУТ. Ослу понятно: яйца учат курицу. Заслушаться можно, честное слово.
ЛИР. Скажите мне, куда девался Лир?
Ведь я не Лир. Не тот у Лира взгляд
И речь не та. Быть может, он уснул?
А с ним — его сознание и чувства?
А если он не спит, кто я такой?
ШУТ. Ты — призрак Лира.
ЛИР. Кто я, в самом деле?
Мой разум, опыт, знаки высшей власти
Меня морочат, видимо, внушая,
Что я — отец, а это — дочь моя?
ШУТ. Которая шпыняет, как мальчика,
Такого непослушного отца.
ЛИР. Как ваше имя, дивное создание?
ГОНЕРИЛЬЯ. Фиглярство это, сэр, как раз подходит
К безумствам вашим, вновь приобретенным.
Поймите же, прошу, что неприлично
Вам, старику почтенному, блажить.

Где вы набрали рыцарей своих?
Сто наглецов, развратников и пьяниц,
Объевшихся беспутством эпикуров,
Двор герцога в заезжий превратили,
А замок, где король гостит, — в бордель.
Надеюсь, ваша совесть вас принудит
Унять разгул. Еще я вас прошу,
Прошу, хоть обошлась бы и без просьбы,
Уменьшить вашу челядь, разогнать
Всех, кто забыл о правилах приличья,
Кого к себе и близко подпускать
Не должно в ваши годы.

ЛИР. Дьявол! Бес!

Чтоб ты пропала! Рыцари, по коням!
И без тебя, ублюдок из ублюдков,
Я проживу! Я не без дочерей!
ГОНЕРИЛЬЯ. Людей вы бьете. Слугам и служанкам
Проходу ваша сволочь не дает!

Входит АЛЬБАНИ.

ЛИР. О горе мне! Раскаялся — да поздно!
По коням! — А, пришли? Вы с ней стакнулись?
Что? Жду ответа? — О неблагодарность!
Ты — дьяволица с каменной душой!
Когда ты в сердце собственных детей,
Ты гаже гад морских.

АЛЬБАНИ. Что с вами, сэр?

ЛИР (ГОНЕРИЛЬЕ). Но ты клеветешь, коршунье отродье!
В моем отряде — лучшие из лучших.
Они и долг свой честно исполняют,
Хранят и репутацию свою.
И надо же мне было превратить

Корделии проступок в смертный грех!
Он, как таран, разбил мою любовь
И естество мое разворотил,
Которое теперь гноится желчью.
О Лир, несчастный Лир, безумный Лир!
Ломись теперь в тот дом, откуда глупость
Изгнала ум! (*Бьет себя по голове.*)
Седлать коней, друзья!

(КЕНТ и РЫЦАРИ уходят.)

АЛЬБАНИ. Милорд, в чем дело? Я не понимаю.
ЛИР. Допустим, сэр. — Услышь меня, Природа!
Услышь, богиня! Откажись от мысли
Гадюке этой материнство дать.
Наполни ей бесплодием утробу
Иль детородных органов лиши,
Чтоб не могло ущербное нутро
Зачатьем эту тварь благословить.
А если все же понесет она,
Пусть в тяжких муках изверга родит,
Чтоб, от него чудовищные пытки
Приняв, она состарилась до срока;
Чтоб выплакала в юности глаза;
Чтоб за ее любовь, за недосып,
Он ей плевал в лицо. Она тогда бы
Узнала, что детей неблагодарность
Мучительнее, чем укусы змей.
Скорей в дорогу!

(Уходит.)

АЛЬБАНИ.   Что произошло?

Скажи мне, заклинаю небесами!
ГОНЕРИЛЬЯ. Не беспокойся из-за пустяков.
Все это старческое слабоумье.
Что делать — возраст.

ЛИР возвращается.

ЛИР.   Где еще полсвиты?
Я к вам приехал с сотнею людей.
АЛЬБАНИ. Да объясните наконец...
ЛИР.   Сейчас.

(ГОНЕРИЛЬЕ.)

О жизнь и смерть! Мне совестно, что ты
Мужскую суть мою поколебала;
Что я себя позволил оскорбить;
Что плакал я. Чума тебя возьми!
Пусть разобьет тебя параличом
Отцовское проклятие мое!
Вот глупые глаза, вы снова плакать?
Вас надо вырвать, вырвать из глазниц
И бросить вместе с вашими слезами
В сухую глину. До чего я дожил!
Постой же. У меня еще есть дочь.
И эта дочь отца не даст в обиду.
Я все скажу ей. От ее ногтей
Ты морду не спасешь свою, волчица.
По-твоему, величие бывшее
Вернуть себе я не смогу? Увидишь.

(Уходит.)

ГОНЕРИЛЬЯ. Теперь ты понял?

АЛЬБАНИ. Знаешь, Гонерилья,
Лишь потому, что я тебя люблю,
Я не вмешался.

ГОНЕРИЛЬЯ. Полно о любви.

(ШУТУ.)

А ты, полу-мерзавец, полу-шут,
Беги за господином. — Где же Освальд?
ШУТ. Дяденька Лир. Эй, дяденька Лир! Подожди, не уходи без шута.
Лисице-плутовке
И дочке-чертовке —
На шейку удавку,
За хвост и — в канавку.
Но нету веревки
И нету сноровки.

(Уходит.)

ГОНЕРИЛЬЯ. Сто рыцарей! Хорошенькое дело.
Старик умен, да не на ту напал.
Сто рыцарей, точней — сорвиголов,
Ему послушных и на все готовых.
А если что почудится ему,
Взбредет на ум, послышится, приснится,
То мы трясись от страха? — Где же Освальд?
АЛЬБАНИ. Невелика опасность. Мне не страшно.
ГОНЕРИЛЬЯ. Страшной самой опасности беспечность.
Не в страхе зло, — в нечаянной беде.
Отца насквозь я вижу и сестре
Пишу письмо о замыслах его.
И если мы во мнениях разойдемся

Об этой сотне...

Входит ОСВАЛЬД.

Освальд, наконец-то!

Письмо к сестре готово?

ОСВАЛЬД. Да, миледи.

ГОНЕРИЛЬЯ. Возьми с собой охрану — и в седло.

Вручи письмо, а на словах скажи

О том, что нас тревожит. Если спросят,

Свой личный взгляд на вещи изложи.

И поскорей назад.

(ОСВАЛЬД уходит.)

Прошу прощенья,

Конечно, это дело не мое,

Но мягкость ваша млечная, милорд,

Разбавленная неблагоразумьем,

Не мягкость, а скорее — мягкотелость.

АЛЬБАНИ. Ты видишь всех и вся. Но не секрет,

Что лучшее хорошему во вред.

ГОНЕРИЛЬЯ. Какой здесь вред, кому?

АЛЬБАНИ. Там видно будет.

(Уходят.)

Сцена пятая

Двор перед замком герцога Альбанского.

Входят ЛИР, КЕНТ и ШУТ.

ЛИР. Поезжай в Корнуолл. Если у дочери по прочтении письма будут к тебе вопросы, отвечай, а более ни слова. Присоедини к своему рвению скорость, не то я тебя обгоню.

КЕНТ. Про сон забуду, милорд, но письмо доставлю в срок. (*Уходит.*)

ШУТ. Если бы человеческий ум сидел в ногах, мог бы он захромать?

ЛИР. Само собой.

ШУТ. А твоему уму-разуму никогда бы не понадобились костыли. С чем я тебя и поздравляю.

ЛИР. Ха-ха-ха!

ШУТ. Ручаюсь, твоя средняя дочь встретит тебя по-свойски. Правда, она похожа на старшую, как спелое яблоко на неспелое, но я-то знаю, о чем говорю.

ЛИР. И что ты знаешь, малыш?

ШУТ. Что от средней тебе будет так же кисло, как и от старшей. Знаешь, для чего один нос торчит между двух глаз?

ЛИР. Нет.

ШУТ. Глаза даны в помощь носу: дальнее — высматриваешь, ближнее — вынюхиваешь.

ЛИР. И за что я на нее разгневался?

ШУТ. Знаешь, как улитка раковину себе мастерит?

ЛИР. Нет.

ШУТ. Вот и я нет. Зато я знаю, зачем улитка все время в домике торчит.

ЛИР. Зачем?

ШУТ. Чтобы прятаться в нем с головкой. Если она отдаст дочкам все свое имущество, ей некуда будет рожек приклонить на старости лет.

ЛИР. Я самого себя перекрою. Такого доброго отца еще поискать надо. Лошади оседланы?

ШУТ. Их седлают твои ослы. Ты обхохочешься, когда узнаешь, почему в семизвездии ровно семь звезд.

ЛИР. Потому что не восемь?

ШУТ. Как ты догадался? Нешуточный из тебя вышел бы шут.

ЛИР. Силой отниму! Неблагодарная тварь!

ШУТ. Иди ко мне в шуты, дяденька, я тебя буду лупить за то, что ты состарился до срока.

ЛИР. Как это?

ШУТ. А так. Порол бы тебя, пока ты не поумнел бы, а там старься, сколько влезет.

ЛИР. Оставь, оставь мне ум, благое небо!

Спаси мне душу! Не лишай ума!

Входит РЫЦАРЬ.

Что лошади?

РЫЦАРЬ. Оседланы, милорд.

ЛИР. Благодарю, дружок.

ШУТ. Смеешься, девка, над шутком?

Твой смех, — не стал бы он

Невинности твоей концом —

Ведь грех не отсечен.

(Уходят.)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Замок Глостера.

Входят с противоположных сторон ЭДМУНД и КУРАН.

ЭДМУНД. Храни тебя бог, Куран.

КУРАН. Вас также, сэр. Герцог Корнуэльский с супругой будет здесь к ночи. Я только что сообщил об этом вашему батюшке.

ЭДМУНД. Зачем они к нам, не знаешь?

КУРАН. Нет, сэр. Слыхали, о чем сейчас шушукаются, или новость только начинает щекотать уши?

ЭДМУНД. Нет. А в чем дело?

КУРАН. Неужели не знаете? Между тем слухи о неизбежной войне герцога Корнуэльского с герцогом Альбанским носятся в воздухе.

ЭДМУНД. В первый раз слышу.

КУРАН. Поразительно. Разрешите откланяться, сэр. (*Уходит.*)

ЭДМУНД. К нам едет герцог. Это очень кстати.

При нем прочнее станет сеть моя.

Отец засаду Эдгару устроил,

А у меня есть дело деликатней.

Везенье и стремительность, ко мне! —

Брат, на минуту! Эй! Спускайся, брат!

Входит ЭДГАР.

Отец про все узнал. Ты должен скрыться.

Ему о нас с тобою донесли.

Как хорошо, что ночь сейчас, — беги!

На Корнуолла ты не умышлял?

Он и Регана выехали к нам,

Не дожидаясь утра. Уж не ты ли
Сболтнул, что он и Альбани в раздоре?
ЭДГАР. Нет, я об этом ничего не знаю.
ЭДМУНД. Ну все — отец идет. Прости, но должен
Я для отвода глаз с тобой сразиться.
Вытаскивай оружие. Пусть отец
Услышит стук мечей. — Сдавайся, трус!
Отец, он здесь! — Достаточно, беги! —
Огня, огня! — Ступай. И будь здоров!

(ЭДГАР уходит.)

Пушу я кровь себе, и все увидят,
Что я серьезно жизнью рисковал.

(Ранит себя в руку.)

Иные с пьяных глаз еще не так
Себя увечат, забавляя шлюх. —
Стой! Не уйдешь! Отец, отец! Сюда!

Входят ГЛОСТЕР и СЛУГИ с факелами.

ГЛОСТЕР. Держи мерзавца, Эдмунд! Где же он?

ЭДМУНД. Я на него наткнулся в темноте.

С мечом в руке стоял он, обращая

Ужасные заклятия к луне,

Чтобы ее поддержкой заручиться.

ГЛОСТЕР. Куда он делся?

ЭДМУНД. Ранен я, отец.

ГЛОСТЕР. Ах он подлец! Куда девался он?

ЭДМУНД. Сбежал, милорд. Когда я отказался...

ГЛОСТЕР. Догнать его! Достать из-под земли!

(СЛУГИ *уходят.*)

Итак, ты отказался — от чего?

ЭДМУНД. Отцеубийцей, ваша светлость, стать.

Твердил я, что возмездие богов

Обрушится на голову злодея;

Что многочисленны и крепки нити,

Связующие сына и отца.

Как только понял изверг, что меня

От предложенья гнусного тошнит,

Он в бешенстве выхватывает меч

И бьет меня с размаху по руке.

Опомнившись, я тоже вынул меч.

Что больше ужаснуло негодяя —

Отпор иль мною поднятые крики, —

Сказать я не берусь, но брат бежал.

ГЛОСТЕР. Побегать захотелось? Пусть бежит.

Его побег закончится петлей.

Когда приедет герцог благородный,

Мой добрый властелин и благодетель,

От имени его я объявлю

За выдачу преступника награду,

А за укрытие — смертью пригрожу.

ЭДМУНД. Пытался я его разубедить.

Он — ни в какую. В гневе крикнул я:

«Тебя я выдам, брат!». Он рассмеялся:

«Наследника пугает незаконный!

Ты думаешь, достоинства твои —

Честь, справедливость — весу придадут

Твоим словам? Ничуть. А ну как я

Свое письмо фальшивкой назову,

По пунктам обвинения отвергну

И этим уличу тебя во лжи?
Любой дурак, я думаю, поймет,
Что выгодно тебе меня убрать;
Что это и подвигнуло тебя
На клевету».
ГЛОСТЕР. Законченный подлец!
От собственной записки отречется?
Я не отец ему!

Трубы за сценой.

А вот и герцог.
С чем бы ни прибыл он, пусть первым делом
Прикажет все дороги перекрыть
И изверга схватить. Его приметы
По городам и весям разошлю.
А ты, мой мальчик, мой природный сын,
Наследником становишься моим.
Я меры все для этого приму.

Входят КОРНУОЛЛ, РЕГАНА и ПРИБЛИЖЕННЫЕ.

КОРНУОЛЛ. Я не успел, мой друг, сойти с коня,
Как услышал чудовищную весть.
РЕГАНА. Когда она правдива, негодяя
Повесить мало. Что вы, сэр? Вам плохо?
ГЛОСТЕР. Убит, под старость лет совсем убит!
РЕГАНА. Чтоб Эдгар, тот, кому отцом был крестным
Отец мой, на родного посягнул?
ГЛОСТЕР. Мне стыдно, госпожа, но это так.
РЕГАНА. А с вольницею — присными отца —
Он не водился?
ГЛОСТЕР. Я не знаю, леди.

О горе, горе!

ЭДГАР. Верно, госпожа.

Он с ними знался.

РЕГАНА. Вот вам и разгадка.

Вот на него кто дурно повлиял.

Подговорили совершить убийство,

Чтоб вашим достояньем поживиться.

Сестра о них такое написала,

Что если к нам нагрянет эта свора,

Они меня не сыщут во дворце.

КОРНУОЛЛ. Меня, Регана, тоже. — Мне сказали,

Что, Эдмунд, вы вели себя отменно,

Как подобает сыну.

ЭДМУНД. Сделал я

Не более того, что должен сын.

ГЛОСТЕР. Он злодеяние предотвратил

И ранен был преступником бежавшим.

КОРНУОЛЛ. Погоню снарядили?

ГЛОСТЕР. Да, милорд.

КОРНУОЛЛ. Поймаете его, — я разрешаю

Как вам угодно с сыном обойтись:

Злоумышлять отучиться навеки.

А ваши, Эдмунд, честь и чувство долга

Ходатаями вашими явились:

Я в глубокопорядочных нуждаюсь

И первым принимаю в свиту вас.

ЭДМУНД. Перехвалили вы меня, милорд.

Но послужу на совесть.

ГЛОСТЕР. Ваша светлость,

Спасибо вам за сына моего.

КОРНУОЛЛ. А что же вы не спросите, зачем...

РЕГАНА. Ночь пропорол визит наш запоздалый?

Нужда велела, Глостер благородный,

Радужьем вашим злоупотребить.
Отец с сестрой повздорили, и он
Мне написал об этом и она.
Посланцы их ответа заждались.
Решила я, что целесообразней
Покончить с этим делом здесь, у вас,
Мы, как без рук, без вашего совета.
Прошу вас, старый друг, собраться с духом
И нам помочь.
ГЛОСТЕР. Располагайте мной.
Гостям высоким рад я услужить.

Трубы.

(Все уходят.)

Сцена вторая

Двор перед замком Глостера.

С противоположных сторон входят КЕНТ и ОСВАЛЬД.

ОСВАЛЬД. С добрым утром, дружище. Ты из местных?

КЕНТ. Допустим.

ОСВАЛЬД. Где здесь лошадей ставят?

КЕНТ. Иди в болото.

ОСВАЛЬД. Серьезно, приятель, подскажи.

КЕНТ. Я тебе не приятель.

ОСВАЛЬД. Плевать мне и на тебя, и на твою неприязнь.

КЕНТ. Попался бы ты мне в здешних конюшнях, я бы посмотрел, как бы ты со мной расплевался.

ОСВАЛЬД. Что ты на меня взъелся? Я тебя знать не знаю.

КЕНТ. Зато я тебя — как облупленного.

ОСВАЛЬД. Не можешь ты меня знать.

КЕНТ. Как же мне тебя не знать, ты — мошенник, пройдоха, пожиратель объедков?! Заносчивый подлец, ничтожество, шут гороховый, холуй в господских обносках, мерзавец, босоногий мальчишка на побегушках, — мне ли тебя не знать?! Я тебя хорошо изучил, трусливое отродье, соглядатай, сукин сын, безмозглый фат, услужливый до тошноты подхалим. Развращенный подачками раб, продажная тварь, законченный подонок, низкий плут, прихлебатель, ублюдок шлюхи, — кто-кто, а я твои природные титулы назубок выучил. И попробуй только пикнуть что-либо против: так отметелю — скулить устанешь!

ОСВАЛЬД. Ты что, приятель, с цепи сорвался? Ведь мы с тобой даже не знакомы.

КЕНТ. Не знакомы? Бесстыжие твои глаза! Не я ли пару дней назад пинками выставил тебя за дверь — король тому свидетель! Вытаскивай меч, скотина! Ночь мне не помеха: луна светит — и я из тебя сделаю лунное рагу! Шевелись, мерзавец!

Слышишь, ты, хлыщ, изуродованный парикмахером! (*Вытаскивает меч.*)

ОСВАЛЬД. Что ты пристал! Отвяжись!

КЕНТ. Сражайся, негодяй! Ты привез письма против короля. Ты рад случаю услужить этой тщеславной марионетке, злоумышляющей против своего отца! Против его королевского величества! Защищайся, мерзавец, или я изрублю тебя в колбасу! Дерись, подлец, дерись, я тебе говорю!

ОСВАЛЬД. На помощь! Убивают! Помогите!

КЕНТ. Сражайся, холуй! Куда ты! Стой, скотина! Стой! Сражайся, подлая тварь!

(Бьет его.)

ОСВАЛЬД. На помощь! Убивают! Убивают!

Входят ЭДМУНД с обнаженным мечом, КОРНУОЛЛ, РЕГАНА, ГЛОСТЕР и СЛУГИ.

ЭДМУНД. Как это понимать? Кто звал на помощь?

КЕНТ. Смелей, молодой человек, смелей! Что, и вам не терпится попасть под разделку? Подходите, юноша, я вам это устрою!

ГЛОСТЕР. Оружье? Драка? Что вы здесь творите?

КОРНУОЛЛ. Ни с места, если жизнь вам дорога!

Ослушника повешу! Кто такие?

РЕГАНА. Посланники сестры и короля.

КОРНУОЛЛ. Из-за чего сцепились? Отвечайте!

ОСВАЛЬД. Сэр, дайте мне хоть дух перевести.

КЕНТ. Оно и понятно: ты же его едва не испустил. Трусливое отродье! У таких, как ты, ни отца, ни матери. Тебя сшил портной, да и то на живую нитку.

КОРНУОЛЛ. Ты что городишь! Почему портной?

КЕНТ. Потому что каменотес или художник не сотворили бы такого уроды, если бы поработали над ним часа полтора-два.

КОРНУОЛЛ. Итак, из-за чего вы подрались?

ОСВАЛЬД. Этот старый головорез, которого я пощадил из-за его седины...

КЕНТ. Сукин ты сын! «Я пощадил...». Я — последняя буква в алфавите! Милорд, можно мне вытрясти душу из этой грубой скотины, а падаль смешать с дерьмом? «Из-за его седины...». Ах ты трясогузка!

КОРНУОЛЛ. Молчать, мошенник! Или ты не видишь, Кто пред тобой?

КЕНТ. Нет, сэр, я не слепой.

Проглотят — хорошо, а поперхнутся —

Он не при чем. Мошенники такие

Гораздо развращенней и хитрей,

Чем все подбострастные лакеи,

Что на господ не могут надышаться.

КЕНТ. Во имя истины и совершенства,

С какими, словно ясноликий Феб,

Увенчанный лучами, ваша светлость

Взирает свысока...

КОРНУОЛЛ. Ты что несешь?!

КЕНТ. Я просто изменил речь, которая вам пришла не по душе. Вы угадали, сэр, я не льстец. Но тот, кто, играя в простачка, обманывает вас, всего лишь простой мошенник, каким я не являюсь. Впрочем, прошу меня простить, если я по простоте душевной рассердил вас.

КОРНУОЛЛ. Какую ты нанес ему обиду?

ОСВАЛЬД. Я — никакой. Но пару дней назад

Его король, введенный в заблуждение,

Меня при всех ударил. Этот тип,

Стараясь к государю подольститься,

Меня сбил с ног, ругался надо мной

И вытолкал за дверь. За эту доблесть

Король его, конечно, похвалил,

Хотя совсем не дело — оскорблять

Того, кто мог ответить, но сдержался.

А этот, подстрекаем жаждой крови,

И здесь меня настиг.

КЕНТ. Подумать можно,

Что он — Аякс, а не трусливый шут.

КОРНУОЛЛ. Подать колодки! Старый негодяй!

Презренный плут! Тебя я проучу.

КЕНТ. Я стар учиться. И колодки ваши

Не пригодятся — я от короля

С письмом для вас. Плохое обхождение

Со мною — оскорбление государю.

Нельзя в колодки забивать посла

Его величества.

КОРНУОЛЛ.   Подать колодки!

Ты до обеда будешь в них сидеть,

Клянусь своею честью!

РЕГАНА.   До обеда?

До ужина! Нет, лучше — до утра!

КЕНТ. За что, мадам? Да если бы я был

Псом вашего отца, и то меня

Не стоило бы так.

РЕГАНА.   Да — будь ты псом.

Но ты — мошенник.

КОРНУОЛЛ.   Он из тех, о ком

Сестра нам говорила. Где колодки?

(Приносят колодки.)

ГЛОСТЕР. Пойдите, ваша светлость! Если он

И провинился, наказать его

Имеет право только государь.

Так поступать, как вы хотите, можно

С одними лишь отпетыми ворами,

С отверженными обществом людьми.

Король разгневается, если мы

Не только не почтим его гонца,

Но наказать посмеем.

КОРНУОЛЛ.   Я — в ответе.

РЕГАНА. А разве для сестры не оскорбление,

Что нападают здесь на человека,

Прибывшего с посланьем от нее?

Закуйте этого!

(На Кента надевают колодки.)

Милорд, идемте.

(Все, кроме ГЛОСТЕРА и КЕНТА, уходят.)

ГЛОСТЕР. Я сожалею, друг, но что поделать:

Для нас желанье герцога — закон.

Пресветлый, знают все, непредсказуем.

Но я к нему пойду...

КЕНТ. Не стоит, сэр.

Всю ночь я мчался, не смыкая глаз.

Мне надо выспаться и отдохнуть.

Колодки тоже могут быть во благо.

До завтра, сэр.

ГЛОСТЕР. Нет, герцог был не прав.

Его поступок дурно истолкуют.

(Уходит.)

КЕНТ. О мой король, приходится признать,

Что ты с небес спускаешься на землю,

Лишен благословения богов.

Маяк луны, включи свои лучи,

И я прочту письмо, каким-то чудом

Попавшее ко мне! Хоть нет чудес,

Но нам, страдальцам, иногда везет.

Корделия нашла меня; теперь

Обдумать надо ужас положенья

И средство, чтоб утраты возвратить.

Глаза мои, усните: вы устали,

Вам не снести позора моего.

Фортуна, пожелай мне доброй ночи

И снова повернись ко мне лицом!

(Засыпает.)

Сцена третья

Лес.

Входит ЭДГАР.

ЭДГАР. Я вне закона. Если б не дупло,
Где скрылся я, меня бы затравили.
В порту — засада, всюду — караулы.
Как тут ни осторожничай — возьмут.
Я жив, пока в бегах. Придется мне
Упасть на дно, обличие сменить,
Стать нищим, оборванцем, отщепенцем,
Едва ль не зверем. Грязью перемажусь,
В изодранные тряпки завернусь,
И пусть меня терзают небеса,
Ветрами хлещут, ливнями секут
И волосы свивают в колтуны.
В моей стране мне остается только
Идти в Бедлам, юродствовать, вопить;
Пронзать свои худеющие члены
Шипами роз, булавами, гвоздями;
Страх нагонять своим ужасным видом
На бедных поселян и овцеводов;
И милостыню требовать у них,
Переходя с проклятий на молитвы
Том из Бедлама — это не пустяк,
Когда пустое место — Эдгар Глостер.

(Уходит.)

Сцена четвертая

Перед замком Глостера.

КЕНТ *в колодках. Входят КОРОЛЬ ЛИР, ШУТ и ПРИДВОРНЫЙ.*

ЛИР. Гонца не отослать! Невероятно!

Уехать столь поспешно!

ПРИДВОРНЫЙ.   А вчера,

Я знаю точно, и не собирались.

КЕНТ. Привет тебе, хозяин благородный!

ЛИР. Вот это да! Не стыдно ли тебе

Здесь дурака валять?

КЕНТ.   Нисколько, сэр.

ШУТ. Ха! Крепко его стреножили! Лошадей крепят за голову; собак и медведей — за шею; мартышек — за талию; людей — за ноги. Когда человек пытается раскрепоститься, его тут же сажают на деревянные скрепки.

ЛИР. Кто над тобою, над моим послом,

Посмел так надругаться?

КЕНТ.   Ваши дети.

ЛИР. Неправда это!

КЕНТ.   Более чем правда!

ЛИР. Нет, говорю я!

КЕНТ.   Да, я говорю!

ЛИР. Они бы не смогли.

КЕНТ.   Они смогли.

ЛИР. Юпитером клянусь, не может быть!

КЕНТ. Юноною клянусь, еще как может!

ЛИР. Они бы не дерзнули, не рискнули.

Пойти на это — хуже, чем убить.

Не оказать почета, оскорбить
Да так жестоко. Иль они рехнулись?
Ответь мне быстро, точно и понятно,
Чем заслужил ты, порученец мой,
Такой прием?

КЕНТ.   Едва я преклонил
Колена, отдавая Корнуоллу
От вашего величества посланье,
Как прискакал холуй от Гонерильи.
Он был в пыли, в поту, едва дышал
И весь горел желаньем услужить.
Меня прервал он, подал им письмо.
Те — сразу же читать, забыв про ваше,
Затем призвали слуг и — на коней.
А мне холодным тоном приказали
За ними следовать и ждать ответа.
И тут я встретил этого мерзавца,
Который помешал мне и который
Вам, государь, недавно нагрубил.
Я рассуждал недолго: вынул меч,
А трус паршивый воплями своими
Всех переполошил. И ваши дети
Сочли, что мой поступок совместим
С позорным наказанием таким.
ШУТ. М-да, зима еще не наступила, а дикие гуси уже летят на юг.

Отцов негодных гонят вон
Их дети-подлецы.
Обласканы со всех сторон
Богатые отцы.
Судьба распутнице сродни:
Не любят бедняков они.

Но это пустяки. Не пройдет и года, дяденька, как твои доченьки столько раз тебя огорчат — сойдешь за богатого.

ЛИР. Какая тяжесть на сердце легла!

Тупая боль, исчезни, отступи!

Уйди на дно, холодная тоска!

Где дочь моя сейчас?

КЕНТ. У графа в замке.

ЛИР (ПРИДВОРНОМУ). Побудьте здесь. Меня не провожайте.

(Уходит.)

ПРИДВОРНЫЙ. Вы рассказали правду?

КЕНТ. Слово чести!

Но почему вас мало так осталось

При государе?

ШУТ. Поделом тебе, если ты попал в колодки за подобные вопросы.

КЕНТ. Почему, шут?

ШУТ. Тебе бы поучиться у муравья. Уж он-то знает: зимой сплошная безработица. Неужели ты этого не понимаешь, бестолочь? Неужели не чуешь, что наше дело тухлое? Двадцать человек из двадцати это уже разнюхали. Не пытайся остановить летящее с горы колесо: шею сломаешь. И смело хватайся за него, когда оно мчится в гору. Стань я мудрецом, я бы присоветовал тебе что-нибудь получше, а ты вернул бы мне мой дурацкий совет. Но раз этого не случилось, наймусь в советчики прохвостам.

(Поет.)

Кто служит для проформы

И ценит серебро,

Спешит во время шторма

Спасти свое добро.

Но шут с тобою — даже

Когда сбежит мудрец.

Глупец стоит на страже,

А мудрецу конец.

КЕНТ. Где ты выучился петь такие песни, дурак?

ШУТ. Да уж не в колодках, придурок!

Возвращаются КОРОЛЬ ЛИР с ГЛОСТЕРОМ.

ЛИР. Принять не могут? Ехали всю ночь?

Занемогли? Устали? Черт возьми!

Притворство, наглость, неповиновение!

И слышать я об этом не хочу!

ГЛОСТЕР. Но вы же сами знаете, милорд,

Что герцог наш характером тяжел

И если вдруг решение принимает,

То неуклонно следует ему.

ЛИР. Чума! Холера! Демоны и ведьмы!

Характером тяжел? Ах, Глостер, Глостер!

Хочу я, чтобы герцог Корнуэльский

С супругою предстали предо мной!

ГЛОСТЕР. Я так им и сказал, мой государь.

ЛИР. Сказать сказал, но ничего не понял.

Хочу я видеть своего вассала,

С любимой дочерью — поговорить

И дать ей порученье, черт возьми!

Тяжел характером, ты говоришь?

Ступай, и пусть отяжелевший герцог...

Хотя... Он, может, вправду нездоров.

Больной имеет право отказаться

От исполнения долга своего.

Увы, природа смертных такова,

Что если в теле завелась болезнь,

То и душа страдает вместе с телом.

Я был не прав, что вышел из себя.

Негоже обвинять больного в том,
На что бы не решился и здоровый.

(Обернувшись на Кента.)

Но он в колодках, черт меня дери!
А это значит, герцог со своей
Супругою, пренебрегают мной.
Свободу человеку моему!
Скажи им, чтоб немедленно явились;
Что я велю им. А не то начну
Я барабанить на пороге спальни,
Пока их сон не превратится в смерть.
ГЛОСТЕР. Уладить бы все это любовно.

(Уходит.)

ЛИР. Ах, сердце, колотиться перестань!
ШУТ. Правильно, дяденька, приструни его! Ты похож на строгую кухарку, которая
запекала угрей живьем и при этом колотила их по головам, приговаривая:
«Перестаньте озорничать, бездельники!». А брат ее давал лошади сено с маслом —
настолько он любил свою клячу.

Входят КОРНУОЛЛ, РЕГАНА, ГЛОСТЕР и СЛУГИ.

ЛИР. Ну, с добрым утром.

КОРНУОЛЛ. С добрым утром, сэ.

(Кента освобождают.)

РЕГАНА. Я очень рада видеть вас, милорд.

ЛИР. Наверное, Регана, а не то
Я бы отрекся, словно от блудницы,

От матери твоей; я бы разбил
Ее могилу в собственной душе.

(KEHTY.)

Свободен? Хорошо. — Но это после. —
Твоей сестры, дражайшая Регана,
Не существует больше для меня.
Змеиным жалом гнусности своей
Она меня ужалила сюда.

(Указывает на сердце.)

Мне больно вспоминать, моя Регана,
Но ты не знаешь, как развращена...
РЕГАНА. Прошу вас успокоиться, милорд.
Скорей вы не сумели оценить
Стараний Гонерилы, чем она
Вам чем-то досадила.

ЛИР.   Что такое?!

РЕГАНА. Не верю я, что долг свой перед вами
Сестра отказывалась исполнять.
Но если ваших рыцарей беспутных
Попридержатъ осмелилась она,
То это столь полезно и умно,
Что всякую вину с нее снимает.

ЛИР. Да чтоб она пропала!

РЕГАНА.   Вы же стары,
И силы ваши тают с каждым днем.
И нужен вам такой руководитель
И поводырь, который лучше вас
Мог разобраться в вашем состоянии.
Сестра вполне подходит к этой роли.

Вам надо с ней немедля помириться.
ЛИР. Скажи еще, прощенья попросить!
Как это подобает государю!

(Становится на колени.)

«Позволь мне, дочь, припасть к твоим стопам.
Я немощен и всеми позаброшен.
Будь милосердна: приюти меня,
Согрей и накорми».

РЕГАНА. Довольно, сэр!

Оставьте шутовские эти штучки.

Езжайте к Гонерилье.

ЛИР. Никогда!

Она разогнала мне пол-отряда,
Смотрела волком, жалила мне сердце
Своим змееподобным языком.
Разверзните над нею, небеса,
И всю утробу ей разворотите
Мертворожденным плодом!

КОРНУОЛЛ. Что вы, сэр!

ЛИР. Блестящая молния, пронзи
Своею ослепительной стрелою
Глаза ее жестокие! Светило,
Могучими лучами раздробь
Ее надменность! Порази проказой
Ей красоту, тлетворное болото!

РЕГАНА. О благодетельные боги! И меня,

Чуть что не так, вы тоже проклянете?

ЛИР. Нет! Ты не дашь мне повода, Регана.

Ты не падешь так низко, — не позволит

Твоя мягкосердечная природа.

Взор Гонерильи яростью горит,

А твой — любовью. Ты ведь не пойдешь
Наперекор желаниям моим,
Не будешь прекословить, не разгонишь
Моих людей, ни в чем не поскупишься,
Не станешь запираяться от меня.
Ты слышишь голос крови, понимаешь,
Как дочь моя должна себя вести,
С какой учтивостью и благородством,
И как должна отца благодарить
За то, что половиной королевства
Владеешь ты по милости его.

РЕГАНА. Что вам угодно, сэр?

ЛИР. Кто посадил
В колодки человека моего?

(Трубы за сценой.)

КОРНУОЛЛ. Подъехал кто-то.

РЕГАНА. Видимо, сестра.
В ее письме об этом говорилось.

Входит ОСВАЛЬД.

Где герцогиня?

ЛИР. Вот он, пес хозяйский!

Его с цепи спустили — он и рад:

Того гляди — укусит. Прочь, скотина!

КОРНУОЛЛ. Что вашему величеству угодно?

ЛИР. Кто надругался над моим послом?

Регана, я не верю, чтобы ты...

Входит ГОНЕРИЛЬЯ.

Что вижу я?! О боги, если вы
К родителям из смертных благосклонны
И если вы родителями были,
И если послушанье — тяжкий грех,
То старика-отца вы защитите!

(ГОНЕРИЛЬЕ.)

Тебе не стыдно седины моей? —
И ты ее не выгонишь, Регана?
ГОНЕРИЛЬЯ. Зачем же? Я ни в чем не виновата,
Хотя кажусь виновною, быть может,
Тому, кто стар и выжил из ума.

ЛИР. О сердце, ты из крепкого металла:
От этих слов ты не разорвалось!
Кто моего гонца забил в колодки?
КОРНУОЛЛ. Я, государь. Но дерзостью своей
Он заслужил серьезней наказание.

ЛИР. Вы?! Быть не может!

РЕГАНА. Я прошу, отец,
Смириться с тем, что вы уже старик.
По просьбе Гонерильи пол-отряда
Вам надо сократить и ехать к ней,
А на исходе месяца — ко мне.

Ведь я вас не ждала и не успела
Дом подготовить к вашему приезду.
ЛИР. Мне ехать к ней? Отряд свой разогнать?

Нет, мне дома такие не нужны,
Где ставятся подобные условия!
Уж лучше выносить удары бури;
Глодать сухие корки; голодать,
Как волк или сова! Мне ехать к ней?
Уж лучше — к благородному Французу,

Супругу бесприданницы моей, —
Выпрашивать коленопреклоненно
На пропитанье, дабы поддержать
Свое никчемное существованье.
Мне ехать к ней? Уж лучше стать рабом
У этого паршивого слуги!

(Указывает на Освальда.)

ГОНЕРИЛЬЯ. Как будет вам угодно, государь.

ЛИР. Ну, полно, дочь, сводить меня с ума.

Тебе хлопот я больше не доставлю.

Мы больше не увидимся. Прощай,

Дитя мое, ты все-таки мне дочь,

Ты кровь моя и плоть, точней — зараза,

Разъевшая всю плоть мою и кровь.

Ты мой нарыв, ты опухоль чумная,

Проказа, поразившая меня.

Я не хочу бранить тебя, стыдить,

И призывать на голову твою

Молниеносных стрел, и умолять

Юпитера, небесного судью,

Чтоб покарал тебя. Не к спеху мне.

Наступит час, — тебя замучит совесть.

А я пока к Регане перееду

С моим отрядом в сотню человек.

РЕГАНА. Нет, уговору не было такого.

Я не смогу как подобает встретить

Таких гостей. Простите, государь,

Но вы с сестрой повздорили напрасно.

Ну, побранились, ну, погорячились, —

Все старики ворчливы, — а сестре

И не обидно.

ЛИР.   Как тебя понять?

РЕГАНА. Я объясню вам. Пятьдесят людей
Достаточно вполне. Куда вам больше?
По правде, и пятидесяти много:
Накладно и от страха не уснуть.
Немыслимо поддерживать порядок
В том доме, где зависят домочадцы
От двух господ.

ГОНЕРИЛЬЯ. А чем не угодили
Вам наши слуги?

РЕГАНА.   В самом деле — чем?
Начнут лениться — мы накажем их.
Итак, поскольку велика опасность,
Когда ко мне вы ехать соберетесь,
То я смогу принять и разместить
Не больше двадцати пяти солдат.

ЛИР. Я все вам отдал...

РЕГАНА.   Вот и хорошо.

ЛИР. Едва ли не в свои опекуны
Я записал вас. Я себе оставил
Всего лишь сто охранников своих...

Регана, не ослышался ли я?
Ты только четверть сотни приютишь?
Я верно понял?

РЕГАНА.   Верно, государь.
И ни единым человеком больше.

ЛИР. Злой человек сойдет за добряка,
Коль скоро попадется наизлейший.
Не очень злой по-своему неплох.

(ГОНЕРИЛЬЕ.)

Вернусь к тебе. Поскольку пятьдесят

В два раза больше двадцати пяти,
На дочь похожа ты в два раза больше.
ГОНЕРИЛЬЯ. А двадцать пять зачем? К чему вам десять?
А для чего вам пять с собою брать
Туда, где нашим слугам нету счета?
РЕГАНА. А есть необходимость хоть в одном?
ЛИР. При чем же здесь твоя необходимость?
Найдется и у нищего в суме
То, без чего он мог бы обойтись.
Животным станешь, если, кроме нужд
Естественных, не знать иных желаний.
Ты выглядишь как леди, но едва ли
Тебе тепло в нарядах дорогих:
Увы, не греет роскошь. Что мне нужно?
Терпение. О небо, ниспошли
Терпенье мне — и ничего другого.
О боги, посмотрите на меня:
Я беден, стар, несчастен, одинок.
Мне все постыло. Если это вы
Велели дочерям терзать отца,
То в дурака, покорного судьбе,
Его не превращайте. Помогите
Держаться мне достойно, по-мужски.
Не оскверняйте щек моих слезами,
Прислужницами женщин. Нет, чертовки,
Нет, ведьмы, я такое вам устрою,
Я накажу вас... сам не знаю как,
Но ужаснутся небо и земля
Вам кажется, я плачу? Нет, не плачу.
И не заплачу, даже если сердце
Расколется на тысячу кусков!
Мой шут, они сведут меня с ума!

(КОРОЛЬ ЛИР, ГЛОСТЕР, КЕНТ, ШУТ и ПРИДВОРНЫЙ уходит.

Завывание ветра и гром

КОРНУОЛЛ. Похоже, ураган. Идемте в дом.

РЕГАНА. Мы все равно бы места не нашли

Для старика и всех его людей.

ГОНЕРИЛЬЯ. Сам виноват. Сидел бы у меня.

Пускай в степи безумствует теперь.

РЕГАНА. Его бы одного я в дом пустила.

Но рыцарей его...

ГОНЕРИЛЬЯ.   И я о том же.

Но где же Глостер?

КОРНУОЛЛ.   Вышел проводить.

Сейчас придет.

(Возвращается ГЛОСТЕР.)

ГЛОСТЕР.   Король в припадке гнева.

КОРНУОЛЛ. Что делает?

ГЛОСТЕР.   Велел седлать коней.

КОРНУОЛЛ. Куда он собирается?

ГЛОСТЕР.   Не знаю.

КОРНУОЛЛ. Пускай развеется.

ГОНЕРИЛЬЯ (ГЛОСТЕРУ).   А вы его

Не убеждайте здесь заночевать.

ГЛОСТЕР. Но скоро ночь. И негде схорониться

От ледяного ветра. На сто миль

Ни деревца.

РЕГАНА.   Упрямый человек

Учиться должен на своих ошибках.

Иначе не проймет. — Закрывать ворота! —

При нем отряд отпетых негодяев.

А ну как присоветуют ему
Пойти на крайний шаг — и мы погибли.
Остерегаться учат мудрецы.
КОРНУОЛЛ. Ты, как всегда, права, моя Регана.
Заприте все ворота. Злая ночь.
Укроемся от бури.

(Уходят.)

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Степь. Буря.

С разных сторон входят КЕНТ и ПРИДВОРНЫЙ.

КЕНТ. Кто здесь еще, помимо злой погоды?

ПРИДВОРНЫЙ. Здесь я, как непогода, разозленный.

КЕНТ. Я вас узнал. А где же государь?

ПРИДВОРНЫЙ. Воюет с разъяренной стихией.

То он прикажет шквалу в океан

Обрушить сушу, то велит волне

Клокочущей залить материки, —

Чтоб изменилось все или исчезло.

Рвет волосы свои, и прядь за прядью

Слепые вихри, бешено кружа,

Разносят в прах. Всей сущностью своею

Пытается король противостать

Единоборству ветра и дождя.

В такую ночь от голода не спят

По логовам медведи, львы и волки,

А он идет куда глаза глядят

Наперекор бушующей грозе.

КЕНТ. Кто с королем остался?

ПРИДВОРНЫЙ. Только шут,

Который тщится сердце короля

Компрессом остроумья исцелить.

КЕНТ. Я знаю вас с хорошей стороны

И кое-что скажу вам по секрету.

Хоть Альбани и Корнуолл хитрят,

Но слух уже прошел об их размолвке.

Как и у всех, кого возвысил рок,
При них есть те, кто верен на словах,
А сами в пользу Франции шпионят.
Француз по их докладам знает все,
Что здесь творится, будь это разлад
Меж герцогами, тайные интриги
И то, как с престарелым королем
Тот и другой жестоко обошлись,
И кое-что похлеще в довершение.
Французы, принимая во внимание,
Что из-за разделения страны
Мы бдительней, конечно же, не стали,
Все побережье наше захватили
И ждут приказа развернуть знамена
И выступить. Прошу вас, если вы
Мне верите, немедля ехать в Дувр
И встретить тех, кому не безразлично
Известие о том, что короля
Сведут с ума ужасные обиды,
Его детьми чинимые ему.
Поверьте мне, я родом дворянин,
Жил при дворе и обладаю правом
Давать подобные распоряженья.
ПРИДВОРНЫЙ. Об этом мы еще поговорим.
КЕНТ. Нет времени. И чтобы облик мой,
Ничуть не соответствующий мне,
Вас в заблуждение больше не вводил,
Распорядитесь этим кошельком.
А вот кольцо, покажете его
Корделии, — ну, если вам удастся
С ней встретиться, — она расскажет вам,
Кто с вами был здесь... Страшная гроза!
Пойду за королем.

ПРИДВОРНЫЙ. Жму вашу руку.

Вы все сказали?

КЕНТ. Главное — забыл.

Чтобы скорее короля найти,

Давайте разойдемся, и кто первым

Его отыщет — позовет другого.

(Расходятся в разные стороны.)

Сцена вторая

Степь. Буря.

Входят ЛИР и ШУТ.

ЛИР. Сильнее, ветры, дуйте! Завывайте!

Раздуйтесь и полопайтесь от злости!

Разверзнитесь, небесные врата,

И выпустите смерчи дождевые

Залить всю землю вплоть до флюгеров!

Сернистый свет, молниеносный пламень,

Что с быстротою мысли рассекает

Столетние дубы, — спали меня!

Ты, гром, всесокрушающим ударом

Расплющи толстобрюхий этот мир,

Нутро природы вскрой и умертви

Зародыши бессовестных людей!

ШУТ. Увы, дяденька, причащаться святым, хотя и разбавленным, вином придворной лести куда приятнее, чем плавать в этой дождевой купели. Ты, дяденька, взял бы да показал своим дочкам блудного отца: такая ночь, как эта, не щадит ни старого короля, ни малого шута.

ЛИР. Пусть льется все, гремит и полыхает!

Ни дождь, ни гром, ни молния, ни ветер

Не дочки мне, не подданные даже.
Я вам никто, свирепые стихии,
Я вам своей державы не дарил
И за жестокость вас не упрекаю.
Поэтому глумитесь надо мной,
Раз это вам приятно! Я ваш раб.
Я всеми презираемый старик,
Больной и слабый. Вы не за меня.
Вы раболепно служите моим
Неблагодарным дочкам, ополчились
Вы на седую голову мою!
Как это гнусно!
ШУТ. Кстати, о голове. Не назовешь безголовым того, кто имеет возможность
спрятать ее в собственном доме.

Когда душа пуста,
А на ногах мозоли,
Не сможешь ни черта
Уснуть от дикой боли.

Входим КЕХТ.

ШУТ. Шишка на ровном месте и нуль без палочки. Шут гороховый и шут его знает какой умник.

КЕНТ. Милорд, уйдемте. Даже существа,

Блуждающие только по ночам,

В такую ночь в пещеры позабились,

Где от небесных прячутся бичей.

Раскаты грома, сполохи огня,

Рев урагана, дождь как из ведра, —

Я в жизни не видал подобной бури.

Таких несчастий, ужасов таких

Не в силах человек перенести.

ЛИР. О боги, вы обрушили на нас

Громов нечеловеческие звуки, —

Пора вам негодяев сокрушить!

Дрожи, злодей, отведаешь ты скоро

Плетей за преступления свои!

Трясись, убийца, ты в крови по локоть!

И ты, изменник; ты, клятвопреступник;

Ты, целомудренный кровосмеситель;

Ты, мерзкий соглядатай, предающий

Доверчивых людей, — все трепещите!

Как на духу, поведайте о том,

Что натворили, и молитесь небо

Вам отпустить ужасные грехи!

И я не без вины, но провинились

Другие много больше предо мной.

КЕНТ. Пред этой непокрытой головою!

Милорд мой добрый, хижина здесь есть, —

Хоть и простой, но все-таки приют.

Побудьте там, а я меж тем пойду

Стучать в ворота каменного дома —

И достучусь до каменных сердец!

Я вас уже искал там, но меня

Не захотели слушать. А теперь
Я ради вас к ним силою ворвусь.
ЛИР. Похоже, я схожу с ума, сынок.
Ну что, дружище? Холодно тебе?
Мне тоже. Где же хижина твоя?
Нужда заменит камень философский,
Приют убогий в замок превратит.
Веди меня, мой плутоватый шут.
Мое разбито сердце, но тебя
Оно еще жалеет.
ШУТ (*поет*). Пускай ума всего на грош
Тебе отвесила природа,
Ты не пойдешь судьбе под нож,
Когда безумствует погода.
ЛИР. Ты прав, малыш. (КЕНТУ.) Показывай дорогу.

(ЛИР и КЕНТ уходят.)

ШУТ. В такую ночь и шлюхам нет пути.
Пророком стану, прежде чем уйти. —
Когда попы заговорят не лживо,
А пивовары не разбавят пива,
Портняжка станет пэром, а в костер
Пойдет не еретик, но сутенер;
Когда в судах законность воцарится,
И разорят не фермера, но принца;
Когда в толпе не срежут кошелька,
А клеветник лишится языка;
Когда скупец начнет сорить деньгами
И запоят блудницы в божьем храме, —
То на Британских островах,
Где ходят все на головах,
Пойдет все прахом, а в итоге

Все встанут с головы на ноги.

Это пророчество Мерлина, хоть он и родится позже меня.

Сцена третья

Замок Глостера.

Входят ГЛОСТЕР и ЭДМУНД.

ГЛОСТЕР. Это просто чудовищно, Эдмунд! Даже выражать сочувствие к нему, и то нельзя. Они вламываются ко мне в дом с какими-то запретами; не позволяют оказать государю хоть какую-то помощь; обрывают, когда я прошу за него или хотя бы упоминаю о нем. Да еще грозят вечной немилостью.

ЭДМУНД. Какая дикость! Это в самом деле чудовищно.

ГЛОСТЕР. Ладно, хватит об этом. Герцоги в раздоре, но не это главное. У меня письмо. Я получил его вечером. Смотри не проговорись, это очень опасно. Оно у меня в надежном месте. За короля и причиненные ему обиды отомстят надлежащим образом. Французы уже на марше. Мы-то с тобой, конечно, примем сторону короля. Я должен его найти. Он нуждается в помощи. Пойди к герцогу и отвлеки его внимание разговором. Он не должен знать, где я и чем занят. В случае чего скажи, мол, занемог и пошел прилечь. Да, за это можно поплатиться жизнью, но я знаю, на что иду. Кому-то же надо выручать короля, моего старого хозяина. Разве это не ужасно, Эдмунд? А то ли еще будет. Прошу тебя, будь поосторожней. *(Уходит.)*

ЭДМУНД. Так предан он, что лезет на рожон.

Я герцогу об этом расскажу

И о письме, конечно. Славный способ

Возвыситься, когда отец умрет.

С дороги, старость! Молодость — вперед!

(Уходит.)

Сцена четвертая

Степь. Шалаи. Буря продолжается.

Входят ЛИР, КЕНТ и ШУТ.

КЕНТ. В шалаш войдите, добрый государь.

Свирепости такой ужасной ночи

Не выдержать природе человека.

ЛИР. Отстань, сказал!

КЕНТ. Милорд, я вас прошу.

ЛИР. Ты мне разбить больное сердце хочешь?

КЕНТ. Да я свое скорее разобью!

Пожалуйста, милорд.

ЛИР. Ты надоел!

По-твоему, когда тебя насквозь

Пронизывает холод, — это плохо?

Возможно. Но тяжелая болезнь

Глуха к случайному недомоганью.

Допустим, убегая от медведя,

Ты на скалу морскую заберешься, —

Страшней, чем зверь, покажется пучина.

Становится чувствительною плоть,

Когда душа спокойна. А во мне

Бушует буря — смерть для всяких чувств.

И лишь неблагодарность дочерей

Меня еще волнует. Что же это?

Они с ладони ели у меня —

И укусили руку? Хватит ныть!

Я должен отомстить. В такую ночь

Из дома гнать? Но дождь мне нипочем!

В такую ночь! Регана! Гонерилья!

Вы — старика-отца, который все

По простоте душевной отдал вам.

Но все. Молчу. Не то сойду с ума.

КЕНТ. Войдите же, милорд.

ЛИР. Ты сам входи.

Тебе нужней. Меня же отвлекает

Природа от того, чем болен я.

Хотя... (ШУТУ.)

Входи, бездомный горемыка.

И я войду туда же за тобой.

И помолюсь. И, может быть, усну.

ШУТ *входит в шалаш.*

А каково бродягам босоногим

В такую бурю? Где же преклонить

Голодным людям голову свою?

И чем тела, которые видны

Сквозь рваные одежды, им прикрыть

В такое время года? Раньше я

Об этом не заботился. Вот, роскошь,

Лекарство для тебя! Прочувствуй раз,

Что бедность ощущает ежедневно,

И ради неба с нею поделись

Своим избытком.

ЭДГАР (*в хижине*). Полсажени и еще полсажени — сколько будет? Бедный Том!

ШУТ (*выбегая из хижины*). Туда нельзя, дяденька, там злой дух! Спасайся кто может!

КЕНТ. Держись за меня. Кто там сидит?

ШУТ. Говорю же: злой дух по имени Бедный Том — так он себя назвал.

КЕНТ. Кто возится в соломе? Отвечай!

Входит ЭДГАР в облике сумасшедшего.

ЭДГАР. Подите прочь! В меня вселился бес!

В боярышнике ветер завывает,

А в ледяной постели вам тепло!

ЛИР. Ты отдал дочкам все свое добро

И оказался здесь?

ЭДГАР. Подайте убогому на пропитание, а? Демон шальной Тома таскал за собой: из огня да в полымя, через брод в водоворот да по топям, по болотам. Всю постель утыкал ножами, повесил петли над дверями, сыпал отраву в овсянку, насыпал на Тома гордыню, чтоб он скок-поскок через мосток, да за тенью своей — а та наутек. Тебе хорошо: ум за разум не зашел. А Том з-з-замерз, Т-т-том озяб. Спасайся от хлада, спасайся от порчи, от лунной хворобы, от ведьминой корчи! Подайте что-нибудь Тому, ему ведь черт покоя не дает. Вот я его: и здесь, и тут, и вот!..

Завывание бури.

ЛИР. Что сделали с ним доченьки его!

Ты все им отдал? И ушел ни с чем?

ШУТ. Нет, в подштаниках. Иначе была бы такая срамотень — глаза бы не глядели.

ЛИР. Тогда пускай все язвы моровые,

Нависшие над грешными людьми,

Обрушатся на дочерей твоих!

КЕНТ. Сэр, у него их нет.

ЛИР. Умри, предатель!

Кто, кроме дочерей бесчеловечных,

Презрев родство, так подло поступил бы?

Обычай новый: пожилых отцов

Гнать из дому, чтоб мучились они

И телом, и душой. Так нам и надо!

За то, что плоть и кровь свою пускаем

На дочерей-тигриц.

ЭДГАР. Там, у обрыва на краю,

Сел Тигликок и — улю-лю!

ШУТ. После такой ночи у нас у всех ум за разум зайдет.

ЭДГАР. От демонов убегай, родителей почитай, дал слово — держись, попусту не клянись, чужой жены не домогайся, пышно не одевайся. Том замерз.

ЛИР. Чем ты раньше занимался?

ЭДГАР. Прислуживал другим, гордился собой. Завивал волосы, носил на шляпе перчатки очередной дамы. Ублажал госпожу своего сердца на свету и черт знает что делал с ней в темноте. Клялся всеми святыми через слово и на глазах святых небес преступал свои же клятвы. Засыпал, обуреваемый преступными страстями, и просыпался в надежде насладиться ими. Пил беспробудно, играл в кости с утра до вечера, блудил ночами напролет вроде турецкого султана. Лгал душой и телом, слушал сплетни, умывал руки кровью. Ленился, как боров; изворачивался, как лис; лютовал, как волк; бесился, как пес; бросался на добычу, как лев. Да не прельстится твоя бедная душа ни постукиванием высоких каблучков, ни шелестом женского белья. Держи подальше ноги от борделей, руки — от юбок, перо от — долговых расписок, и сам черт тебе не брат будет.

В боярышнике ветер завывает,
Поет и свищет, свищет и поет —
А братец мой идет себе вперед.

Завывание бури.

ЛИР. Лучше бы тебе покончить с собой, чем своим обнаженным телом отбиваться от нечеловеческой бури. Значит, это и есть человек? Вот он, как на ладони. На тебе ни куска свиной кожи, ни клочка овечьей шерсти. Ты никому не обязан: ни шелковичному червю, ни мускусной кошке. Ха! Мы — по сравнению с ним — донельзя извращены. А ты — настоящий, подлинный. Стало быть, человек в чистом виде — это всего лишь жалкая, нагая, раздвоенная снизу тварь. Простая тварь, как ты. Прочь, к черту всю эту мишуру! Помогите расстегнуть! *(Пытается сорвать с себя одежду.)*

ШУТ. Не спеши, дяденька, разоблачаться. В такую бурную ночь купаться вредно. Сейчас костерок в ледяной степи был бы похож на постаревшую шлюху: в сердце искрится жизнь, остальное — мертво. А вот и в самом деле огонек, и движется в нашу сторону.

ЭДГАР. Очень похоже на гнусного Флибертиджиббета. Этот бес начинает мерцать после первой стражи и блуждает до первых петухов. Из-за него у нас бельма, косоглазие и заячья губа. А еще он заражает спорыньей пшеницу; ну, и вообще пакостит помаленьку детям пыли и праха.

Святой Витольд на ведьму и ведьмят
Ногою топал девять раз подряд.
Он высек их словесно,
И разбежались бесы,
И больше по ночам не шебуршат.

Аминь, аминь, рассыпся, злая ведьма!
КЕНТ (ЛИРУ). Вам что-нибудь угодно, государь?

Входит ГЛОСТЕР с факелом.

ЛИР. Кто там вошел?

КЕНТ. Ты кто такой? Что надо?

ГЛОСТЕР. Вы сами кто такие? Назовитесь!

ЭДГАР (*указывает на себя*). Это — бедный Том, что ест лягушек, жаб и головастиков, а на закуску — ящериц и тритонов. А когда взиграет в нем душа, когда взбесит его злой демон, поедает салат из коровьего дерьма,дохлых крыс на первое, собачью падаль на второе, зеленую болотную слизь на десерт. Гоняют Тома туда-сюда палками, секут плетками, грозят кутузками. А раньше он надевал по три сюртука, по шесть рубашек, сказал верхом, махал мечом.

Но только крысой и ежом
Семь лет обедал бедный Том!

Бойся беса моего! Отстань, Смолкин, отстань, дьяволенок!

ГЛОСТЕР. Ну, и компания для государя!

ЭДГАР. А что, властитель тьмы — природный джентльмен.

Зовут его царь Мегу, князь Модо.

ГЛОСТЕР. Так низко пали мы, что наши дети
Терпеть не могут нашу плоть и кровь.

ЭДГАР. Убогий Том замерз.

ГЛОСТЕР.   Со мной идемте.

Мне велено закрыть ворота замка,

Оставить вас на растерзанье буре.

Приказ жесток, но честь мешает мне

Повиноваться вашим дочерям.

И если уж рискнул я вас найти,

То будет вам и теплый кров, и пища.

ЛИР. Пускай сначала этот философ

Расскажет, отчего бывает гром.

КЕНТ. Милорд, идемте с этим человеком.

ЛИР. Нет, я с фиванцем этим потолкую.

Чему ты учишь, мой ученый друг?

ЭДГАР. Как духов заклинять и блох давить.

ЛИР. Давай поговорим наедине.

КЕНТ (ГЛОСТЕРУ). Вам надо бы его уговорить,

Пока в рассудке он.

ГЛОСТЕР.   Пока в рассудке!

Завывание бури.

Он обречен на смерть! — Ах, бедный Кент!

Насквозь ты видел королевских дочек. —

По-твоему, король теряет разум?

Ты знаешь, друг, я тоже не в себе.

И у меня был сын, и он хотел

Убить меня, любимого отца —

Любимый сын... и проклял я его.

Сегодня это было, нынче ночью.

Поверишь ли, мне горько так, что я,

Того и жди, свихнусь... Какая ночь!

Милорд, прошу вас...

ЛИР. Дорогой мудрец!

Извольте, ваша милость...

ЭДГАР. Том замерз.

ГЛОСТЕР. А ты зайди в лачужку: там тепло.

ЛИР. И мы за ним.

КЕНТ. Вы с нами, государь.

ЛИР. Не с вами, а с философом моим.

КЕНТ (ГЛОСТЕРУ). Не спорьте с ним. Возьмем с собою Тома.

ГЛОСТЕР. Что ж, делать нечего.

КЕНТ. Вставай, дружок.

Пойдем-ка с нами.

ЛИР. Славный Диоген,

Прошу, не откажите...

ГЛОСТЕР. Только тише.

ЭДГАР. Роланд подходит к башне черной,

А великан и говорит:

«Знакомый запах! Это — бритт!».

(Уходят.)

Сцена пятая

Замок Глостера.

Входят КОРНУОЛЛ и ЭДМУНД.

КОРНУОЛЛ. Пока я здесь, я должен ему отомстить.

ЭДМУНД. Не стоит, милорд. Я буду скомпрометирован, если голос преданного вам разума заглушит во мне голос крови. Это будет ужасно.

КОРНУОЛЛ. Теперь мне все ясно. Вовсе не испорченность заставила твоего брата поднять на него руку: порочная натура отца пробудила в сыне преступные мысли.

ЭДМУНД. Как мне не повезло! Я вынужден сомневаться в правильности своих действий. Да еще это злополучное письмо — зачем оно попало мне на глаза! Попробуй теперь сказать, что отец не французский шпион. О небо! Почему измена выпала на мою долю?

КОРНУОЛЛ. Идем к герцогине.

ЭДМУНД. Если письмо не фальшивка, у вас будет полон рот хлопот.

КОРНУОЛЛ. Так или иначе, эта бумага дает тебе право на графский титул. Найди отца: он должен быть арестован.

ЭДМУНД (*в сторону*). Если он будет при короле, когда я его обнаружу, это еще больше упрочит мое положение. — Буду служить вам верой и правдой, даже если мне придется отречься от отца.

КОРНУОЛЛ. Верю, верю. Я буду тебе вместо него. Во всяком случае обещаю тебе свою любовь.

(*Уходят.*)

Сцена шестая

Домик подле замка.

Входят ГЛОСТЕР, ЛИР, КЕНТ, ШУТ и ЭДГАР.

ГЛОСТЕР. Здесь не очень уютно, но спасибо и на этом: все-таки крыша над головой.

КЕНТ. Его могучий разум не вынес тяжести испытаний. Да хранят вас боги за вашу доброту!

(*ГЛОСТЕР уходит.*)

ЭДГАР. Фратеретто возвращается. Говорит, что Нерон удит рыбку в чертовом пруду. Молись, глупышка, не ленись, от злого духа открестись!

ШУТ. Скажи, дяденька, кем должен быть придворный дурак — дворянином или дворником?

ЛИР. Королем, конечно, королем!

ШУТ. Нет, придворный дурак — это дворник, позволивший своему сыну выбиться в дворяне. Надо быть круглым дураком, чтобы, оставаясь в дворниках, прислуживать сыну, ставшему дворянином.

ЛИР. Пусть десять тысяч раскаленных крючьев

С шипением вопьются в их тела!

ЭДГАР. Злой демон мне всю спину искусал!

ШУТ. Полный дурак тот, кого вводят в заблуждение привязанность ручного волка, рыночная цена лошади, влюбленность мальчика и уверения шлюхи.

ЛИР. Ты прав, дружок. Их следует судить.

(ЭДГАРУ.)

Вот ваше место, опытный судья.

(ШУТУ.)

А ваше здесь, премудрый господин. —

Ну, погодите, злобные лисицы!

ЭДГАР. Вот он стоит и хлопает глазами!

Мадам, и вам не стыдно пред судом?

Плыви же к нам, Бесси, через ручеек...

ШУТ. Но в лодке водица:

Девчонка боится

В воде очутиться, а нам невдомек.

ЭДГАР. Дьявол свищет соловьем

Прямо в уши. Бедный Том!

Хопданс влез ему в живот,

Просит рыбки и орет.

Ты бы поумерил прыть:

Нечем мне тебя кормить!

КЕНТ. Ну, как вы, сэр? Вам плохо? Вы устали,

Намучились. Прилягте отдохнуть.

ЛИР. Но здесь же суд! Свидетелей зовите!

(ЭДГАРУ.)

Ты в мантии, садись и начинай.

(ШУТУ.)

А это ваше место, прокурор.

(КЕНТУ.)

Ты, заседатель, будь неподалеку.

ЭДГАР. По-совести рассудим это дело.

Не спи, пастух, в тени ветвей!

Вставай! Пришла беда.

Подуй-ка в свой рожок скорей:

В хлебах твои стада!

Мурр-мяу, кошка серая, мурр-мяу!

ЛИР. С нее и начнем. Это — Гонерилья. Благородное собрание, я готов присягнуть, что она вытолкала своего бедного отца в шею.

ШУТ. Вы, леди, в самом деле Гонерилья?

ЛИР. Еще бы! Ей теперь не отвертеться.

ШУТ. Простите, я со стулом спутал вас.

ЛИР. А вот другая. Лживые глаза

Выказывают нрав ее жестокий. —

Лови ее! Хватай! Вы сговорились!

Подкуплены! Вы дали ей бежать!

ЭДГАР (*в сторону*). Дай бог тебе рассудок сохранить!

КЕНТ. Нет сил смотреть это! — Успокойтесь!

Где ж ваша стойкость прежняя, милорд?

ЭДГАР (*в сторону*). Я чуть не плачу, глядя на него.

И это мне мешает притворяться.

ЛИР. Разлаялись большие псы и моськи!

Все поголовно лают на меня!

ЭДГАР. Том их прогонит своей головой. Подите к черту, проклятые сучки!

Пусть зубастой будет пасть,
Белой или черной масть,
Погоди, полкан, бульдог,
Волкодав и кабысдох!
Тот бесхвостый, тот с хвостом, —
Всех скулить заставит Том.
Вот я в них башкою кину —
Зашибу любую псину!

Тили-бом! Вставай! Подъем! И по ярмаркам бегом! Да по свадьбам, по поминкам!
Каждый со своим рожком — чтоб наполнили вином! Всех поили, всех кормили —
Тома бедного забыли!

ЛИР. Отведите Регану к прозектору. Пусть он ее вскрыет и посмотрит, что там у нее
вместо сердца. Как оно могло выродиться в камень? (ЭДГАРУ.) А вас, сэр, я
посвящаю в рыцари. Теперь вы должны одеваться иначе. Понятное дело, персидский
наряд вам к лицу, но здесь все-таки Британия.

КЕНТ. Мой государь, прилягте на часок.

ЛИР. Потихе, пожалуйста. Еще тише. Задерните полог. Хорошо, очень хорошо.
Пужинаем утром, вы согласны? Вот и славно, вот и хорошо.

ШУТ. А я на заре усну.

Возвращается ГЛОСТЕР.

ГЛОСТЕР. Ну что, вы уложили государя?

КЕНТ. С большим трудом. Он явно не в себе.

ГЛОСТЕР. Берите короля и — в Дувр. Скорей!

Иначе смерть ему, уж я-то знаю.

Кладите государя на носилки.

Не мешкай, друг, спеши. Вас в Дувре ждут.

Там будет в безопасности король

Сцена седьмая

Замок Глостера.

Входят КОРНУОЛЛ, РЕГАНА, ГОНЕРИЛЬЯ, ЭДМУНД *и* СЛУГИ.

КОРНУОЛЛ. Выезжайте немедленно. Пусть ваш муж тоже прочтет это письмо. Французы на марше. — Изловить этого подлеца Глостера!

(Несколько СЛУГ уходят.)

РЕГАНА. И повесить!

ГОНЕРИЛЬЯ. Нет, ослепить!

КОРНУОЛЛ. Я в гневе, значит, ему не вывернуться. — Вам, Эдмунд, лучше ехать с нашей сестрой. Возмездие, которое обрушится на голову вашему неблагонадежному родственнику, не для ваших глаз. По приезде к герцогу передайте ему наш совет поторопиться с подготовкой. Мы и сами спешно снаряжаемся. Крайне необходимо постоянно информировать друг друга о происходящем. До встречи, дорогая сестра. До встречи, милорд Глостер.

Входит ОСВАЛЬД.

Ну, наконец-то! Короля нашли?

ОСВАЛЬД. Нет, он бежал. С ним рыцари его.

Их было больше тридцати пяти,

Когда они пристали к королю

На выезде из города. А Глостер

Своих людей прибавил к этой шайке

И всех отправил в Дувр, где встретит их

Отряд, вооруженный до зубов.

КОРНУОЛЛ. Седлайте лошадей для герцогини!

ГОНЕРИЛЬЯ. Прощайте, милый герцог и сестра.

КОРНУОЛЛ. Ступайте, Эдмунд.

(ГОНЕРИЛЬЯ, ЭДМУНД и ОСВАЛЬД уходят.)

Где же наконец

Изменник Глостер! Вы его схватили?

Связали, словно вора? Привели?

(Остальные СЛУГИ уходят.)

Хоть ни суда, ни следствия не будет,

Но я здесь господин, и власть моя

Дает мне право гневом насладиться,

Предателя казнить и рты заткнуть.

(Двое или трое СЛУГ вводят ГЛОСТЕРА.)

А, вот и он!

РЕГАНА. Изменник! Подлый лис!

КОРНУОЛЛ. Вяжите сухорукого мерзавца!

ГЛОСТЕР. Постойте, ваша светлость! Не грешно ли

Моим гостям меня так обижать?

КОРНУОЛЛ. Вяжите, говорю вам!

СЛУГИ вяжут ГЛОСТЕРА.

РЕГАНА. Да покрепче!

Подлец продажный!

ГЛОСТЕР. Нет, я не подлец!

Вы — нелюди, без жалости и чести!

КОРНУОЛЛ. Привязывайте к стулу эту тварь!

Постой, предатель!

РЕГАНА рвет бороду ГЛОСТЕРУ.

ГЛОСТЕР.   Боги всеблагие!
Глумиться над моею сединой?
Какая низость!
РЕГАНА.   Гнусный старикашка!
Ты это заслужил, седая мразь!
ГЛОСТЕР. Чертовка ты! Ведь эта седина,
Которую ты с корнем выдираешь,
Тебе еще предъявит обвиненье!
Разбойники так за гостеприимство
Хозяину не платят! Что вам надо?
КОРНУОЛЛ. Что за письмо Француз тебе прислал?
РЕГАНА. Не лги, старик. Нам все давно известно.
КОРНУОЛЛ. Не ты ли посоветовал врагу
Напасть на нас внезапно?
РЕГАНА.   Где король?
С кем этот сумасшедший? Отвечай!
ГЛОСТЕР. Письмо прислал не враг, скорее — друг.
Там ничего особенного нет.
КОРНУОЛЛ. Увертки!
РЕГАНА.   Ложь!
КОРНУОЛЛ.   Куда ты Лира спрятал?
ГЛОСТЕР. Он в Дувре.
КОРНУОЛЛ.   В Дувре?! Я же запретил!
И ты посмел ослушаться приказа?!
РЕГАНА. Зачем ты в короля отправил в Дувр?
Зачем, зачем?
ГЛОСТЕР.   Что ж, если я медведь,
Посаженный на цепь, то вы — собаки.
РЕГАНА. С какой целью в Дувр?
ГЛОСТЕР.   Чтобы не видеть,
Как будешь ты у бедного отца,
Волчица, выцарапывать глаза;

И как вонзит свирепые клыки
В помазанника, в тело государя,
Твоя свиноподобная сестра!
Когда в аду ужасной этой ночи
Изнемогал он от дождя и ветра, —
Не выдержал бы даже океан
Такой грозы и, выйдя из себя,
Рванулся бы он ввысь и потушил
Все свечи неба. А старик блуждал
Во тьме и ливень разбавлял слезами.
В такое время даже волчью стаю
Велела бы ты в замке приютить.
Палач, и тот бы сжалился, а ты...
Но я еще увижу, как тебя
С твоей сестрой Эриннии настигнут.
КОРНУОЛЛ. Ты больше не увидишь ничего. —
Держите стул! — Сейчас твои глаза
Я по полу размажу!

(Вырывает глаз у Глостера.)

ГЛОСТЕР. Помогите

Мне все, кто видят старцами себя!

О боги, боги, боги!

РЕГАНА. Рви второй —

За то, что издевается над первым!

КОРНУОЛЛ. Так что там про возмездие...

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Милорд!

Я с детских лет служу вам не за страх,

А нынче совесть мне повелевает

Вас удержать — и это тоже служба.

РЕГАНА. Скотина! Как ты смеешь?

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Если б вы

Мужчиной были, я б вам показал!

КОРНУОЛЛ. Ах ты подлец!

(Выхватывает меч.)

ПЕРВЫЙ СЛУГА.   Тогда мой гнев святой
Послужит вам!

(Выхватывает меч и ранит Корнуолла.)

РЕГАНА *(выхватывая меч у второго слуги)*. Постой же, сукин сын!

(Поражает первого слугу в спину.)

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Милорд, я умираю! Но и он
Не выживет. Вы видите, милорд...

(Умирает.)

КОРНУОЛЛ. Уже не видит!

(Вырывает у Глостера второй глаз.)

Мерзкое желе!

Вот и растаял гадкий глянец твой!

ГЛОСТЕР. Какая тьма! Какая безысходность!

Где сын мой? Эдмунд, пусть же кровь моя

Тебя воспламенит! Пусть эти звери

Получат по заслугам!

РЕГАНА.   Замолчи!

Презренный раб, ты Эдмунда зовешь?

Того, кто сам отрекся от тебя,

Разведав о предательстве твоём?

Кто служит нам, тебя не пожалеет.

ГЛОСТЕР. Как был я глуп и слеп! Несчастный Эдгар

Пал жертвой клеветы! Благие боги,

Пусть он живет!

РЕГАНА. Гоните за ворота

Пса этого! И если он дорогу

Разнюхает, пускай хоть в Дувр идет.

(СЛУГИ уводят Глостера.)

Вы ранены, милорд?

КОРНУОЛЛ. Похоже, да.

Прошу меня в покои проводить. —

Слепого негодяя — за ворота,

А эту сволочь — в яму выгребную! —

Я истекаю кровью. Дайте руку.

Как это не ко времени, Регана!

(Уходит вместе с РЕГАННОЙ.)

ВТОРОЙ СЛУГА. Какой мерзавец! Если он не сдохнет,

Я тоже во все тяжкие пущусь.

ТРЕТИЙ СЛУГА. А если эта ведьма станет бабкой

И на своей скончается постели,

Чертовки вместо женщин заведутся.

ВТОРОЙ СЛУГА. Пусть графа бедный Том сопроводит.

В такое время только сумасшедший

Способен стать поводырем слепца.

ТРЕТИЙ СЛУГА. А я найду яичного белка

И льна немного, чтобы приложить

К зияющим глазницам старика.

И помоги ему, благое небо.

(Уходят.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

Степь.

Входит ЭДГАР.

ЭДГАР. Блаженных презирают — и пускай!

Так лучше, чем блаженствовать и знать,

Что льстят тебе и все же презирают.

Когда ты стал игрушкою судьбы,

Живи, не опасаясь ничего,

На самом дне. На паперти надежды

Все к лучшему, что б ни произошло.

Дуй, ветер! Ты — бесплотен, я — ничто.

Меня ты не развеешь! — Кто же это?

Входит ГЛОСТЕР, которого ведет СТАРИК.

О мой отец! И жалкий поводырь.

Жестокий мир! Когда бы не твои

С ума сводящие метаморфозы,

Не так бы старость тяготила нас.

СТАРИК. Лет восемьдесят мне. Пахал я землю

Еще, милорд, у вашего отца.

ГЛОСТЕР. Оставь меня, дружище. Для чего

Тебе со мною вместе погибать?

СТАРИК. Но как же вы пойдете? Вы же слепы!

ГЛОСТЕР. Мне все равно. Мне некуда идти.

Я шел вслепую, и когда был зрячим.

Удачи нас доводят до греха,

И только наши беды нам во благо.

Пресыщенные собственным достатком,
Слепые в бессердечии своем,
Презревшие небесные законы,
Весь ужас кары божьей ощутили,
То роздали бы все свое добро.
Бывал ты в Дувре?
ЭДГАР. Да, мой господин.
ГЛОСТЕР. Ты видел там, на берегу, утес,
Вознесшийся над черною водою?
Сведешь меня туда, на край обрыва?
Тебя я щедро отблагодарю.
Там и закончится твоя работа.
ЭДГАР. Дай руку Тому. Он тебя сведет.

(Уходят.)

Сцена вторая

Перед замком герцога Альбанского.

Входят ГОНЕРИЛЬЯ и ЭДМУНД.

ГОНЕРИЛЬЯ. Милорд, входите. — Что за чудеса!
Мой муж чувствительный меня не ждет!

Входит ОСВАЛЬД.

Где наш хозяин?
ОСВАЛЬД. Дома, госпожа.
Но он какой-то странный. Громким смехом
Встречает весть о высадке врага
И грубой бранью — о приезде вашем.
Узнав о том, что Глостер изменил,

А вы, милорд, достойно поступили,
Меня он называет идиотом
За то что, дескать, я все переврал.
Что людям нравится, — ему противно,
Что нам противно, — нравится ему.
ГОНЕРИЛЬЯ (ЭДМУНДУ). Тогда, мой друг, вам нечего здесь делать.
Он трус и, чтоб отстали от него,
Другую щеку он готов подставить.
Я подтверждаю то, о чем дорогой
Мы говорили, Эдмунд. Возвращайтесь
Скорее к брату нашему. Скажите,
Чтоб он поторопился с подготовкой,
А вас военачальником назначил.
Я ж дома совершу переворот:
За меч возьмусь, а мужу прялку дам.
Курьером нам послужит мой слуга.
Я скоро извещу вас обо всем,
И вам тогда — для вашего же блага —
Рискнуть придется. *(Дает ему ленту.)*

Нет, не надо слов.

Нагнитесь. Ниже. Если бы ты знал,
Что значит этот поцелуй, то к небу
Ты воспарил бы. Понял ты меня?
Прощай!

ЭДМУНД. До смерти твоей!

ГОНЕРИЛЬЯ.   Мой милый Глостер!

(ЭДМУНД уходит.)

И тот мужчина вроде бы... но этот —
Любых желаний женских воплощение.
А мой удел: наложницею быть
У недоноски.

ОСВАЛЬД. Герцог здесь, мадам.

(ОСВАЛЬД *уходит.*)

Входит АЛЬБАНИ.

ГОНЕРИЛЬЯ. По-твоему, я хуже, чем собака,
Которую ты свистом подзываешь?

АЛЬБАНИ. Ты — хуже. Хуже пыли придорожной,
Которой всю тебя осыпал ветер.

Мерзавка ты! Как ты могла отречься
От сущности своей? Нет ничего

Святого для тебя. Но лист зеленый,

Отвергнув сок отеческих ветвей,

Добычей смерти станет поневоле.

ГОНЕРИЛЬЯ. А может, хватит глупости болтать?

АЛЬБАНИ. Вот-вот. Благоразумье и любовь

Противны тем, кто хрюкает в навозе.

Ублюдки! Что вы сделали? Тигрицы!

Как смели надругаться над отцом?

Величественный старый человек, —

Его следы медведи бы лизали, —

А вы — подонки, варвары! — его

До умоисступленья довели!

Выходит, вот как отблагодарил

Его мой братец герцог! Если небо

Не обуздает вашей бесовщины,

И вам бесчинство это с рук сойдет,

То люди станут пожирать людей,

Как чудища друг друга поедают.

ГОНЕРИЛЬЯ. Ничтожество! Пустая голова!

Получишь оплеуху — и не пикнешь!

Уже не видишь ты, что хорошо,

Что плохо для тебя. Какая глупость —
Сочувствовать отпетым негодяям,
Застигнутым на месте преступления!
Бей в барабан походный! Реют стяги
Французские над нашей страной,
А разве мы готовы к нападению?
Твоя земля в плюмажах иноземных
Наемники идут тебя убить,
А ты все медлишь, глупый моралист,
И слезно причитаешь: «Как же так?».
АЛЬБАНИ. Ты, дьяволица, на себя взгляни!
Ты, женщина, ужасней в этот миг,
Чем демоны!
ГОНЕРИЛЬЯ. Какой же ты глупец!
АЛЬБАНИ. Как изменилась ты! Как женской кожей
Чудовище такое облеклось!
Бесстыдница! Вот этими руками
Я кости бы тебе переломал.
Я б растерзал тебя, но я — мужчина
И не способен женщину убить,
Хотя ты сущий зверь.
ГОНЕРИЛЬЯ. Мужчина? Ты?
Ты — мой котенок! Кисонька моя!

(Входит ГОНЕЦ.)

АЛЬБАНИ. Какие вести?
ГОНЕЦ. Корнуолл убит
Своим слугой, когда намеревался
Глаз вырвать графу Глостеру, милорд.
АЛЬБАНИ. Как — вырвать глаз?!
ГОНЕЦ. Слуга был возмущен
Поступком герцога, достал свой меч,

За старика несчастного вступился,
Но от руки хозяина погиб,
Успев, однако, нанести ему
Удар смертельный.

АЛЬБАНИ.   Если так, то есть
Верховный суд, который нас мгновенно
Карает за любые злодеянья.

Но как же граф? Ослеп наполовину?

ГОНЕЦ. Нет, полностью, милорд.

АЛЬБАНИ.   Несчастный Глостер!

ГОНЕЦ. Письмо для вас, миледи, от сестры

И просьба: поскорее дать ответ.

ГОНЕРИЛЬЯ (*в сторону*). Все вроде хорошо. Одна беда:

Сестра теперь вдова, а Глостер мой

Ее вассал. И замок на песке,

Что я с таким упорством возвожу,

Меня раздавит, хоть и надоела

Мне жизнь моя. А в целом все неплохо.

(ГОНЦУ.)

Сейчас прочту и тут же дам ответ.

(*Уходит.*)

АЛЬБАНИ. Над Глостером при Эдмунде глумились?

ГОНЕЦ. Нет, он уехал с вашею супругой.

АЛЬБАНИ. Но я его не видел.

ГОНЕЦ.   Он сейчас

Обратно едет, — встретились мы с ним.

АЛЬБАНИ. О преступление знает он?

ГОНЕЦ.   Еще бы!

Отца он предал сам. И чтобы им

Сподручней было мучить старика,
Поехал к вам.
АЛББАНИ. Я, Глостер, жизнь отдам,
Но выручу вас ради короля,
Которому вы верность сохранили,
И отомщу за вашу слепоту. —
Пойдем со мной, расскажешь все в деталях.

(Уходят.)

Сцена третья

Французский лагерь возле Дувра.

Входят КЕНТ и ПРИДВОРНЫЙ.

КЕНТ. Почему французский король оставил армию здесь, а сам уехал во Францию?

ПРИДВОРНЫЙ. Дела государственной важности потребовали его личного присутствия. Он должен был срочно завершить их и тем самым отвести от Франции совершенно реальные угрозы.

КЕНТ. Кого он назначил главнокомандующим?

ПРИДВОРНЫЙ. Маршала Франции господина Ла-Фара.

КЕНТ. Вы передали королеве мои письма?

ПРИДВОРНЫЙ. Да, сэр.

КЕНТ. Они ее огорчили?

ПРИДВОРНЫЙ. Я видел, как она читала их;

Как то и дело крупная слеза

Стекала по щекам ее прекрасным.

Она вела себя по-королевски,

Пытаясь овладеть своей печалью,

Которая едва не взбунтовалась,

Пытаясь королевой завладеть.

КЕНТ. Терзалась?

ПРИДВОРНЫЙ. Но в конвульсиях не билась.

Боролись в ней сочувствие и мудрость

За право голоса. С дождем слепым

Сравнил бы я такое состояние.

Она сквозь слезы тихо улыбалась,

И взору открывались жемчуга,

Не ведая, что их спешат затмить

Алмазы слез. Короче говоря,

Мы горе полюбили бы, наверно,

Когда бы так умели горевать.

КЕНТ. Она сказала что-нибудь?

ПРИДВОРНЫЙ. Конечно.

Раз или два, прерывисто дыша,

Как будто у нее сдавило сердце,

Она произнесла: «Отец!». Потом:

«Ах, сестры, сестры! Где же ваша жалость!

Нет, вы не женщины!». И вновь: «Отец!».

И тут святая влага потекла

Из глаз ее небесных, — королева,

Разбавив причитания слезами,

Ушла, чтоб в одиночестве скорбеть.

КЕНТ. Насколько дети меж собой различны,

А ведь у них одни отец и мать.

Я бы сказал, что каждого из нас

Своя ведет звезда. Еще об этом

Вы говорили с нею?

ПРИДВОРНЫЙ. Нет, милорд.

КЕНТ. Король Французский был при этом?

ПРИДВОРНЫЙ. Нет.

КЕНТ. Лир в городе, милорд. Когда порой

К страдальцу возвращается сознание,

Он узнает нас, но не хочет слышать

О встрече с дочерью.
ПРИДВОРНЫЙ. Но почему?
КЕНТ. Жестокий стыд терзает короля
За то, что отказался от нее,
Отправил на чужбину, оскорбил
И сестрам, у которых сучье сердце,
Удел законный отдал. От стыда
Не знает государь, куда деваться.
ПРИДВОРНЫЙ. О да, ему приходится несладко.
КЕНТ. Где Корнуолл и Альбани, слышали?
ПРИДВОРНЫЙ. Сюда ведут свои отряды, сэр.
КЕНТ. Понятно, сэр. Идемте к государю.
Вместо меня побудете при нем.
Есть веская причина, по которой
Я остаюсь до времени в тени.
И вы не пожалеете о том,
Что сделали, когда я вам откроюсь.
Теперь прошу вас следовать за мной.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Там же. Походная палатка.

Под барабанный бой входят КОРДЕЛИЯ, ВРАЧ, ОФИЦЕРЫ и СОЛДАТЫ.

КОРДЕЛИЯ. Я же сказала: видели его.
Он в голос пел, безумствовал, как шторм,
Корону сплел себе из сорняков:
Лопушника, дымянки, горицвета,
Крапивы, овсюга и ковыля,
Растущих по канавам. Пусть солдаты

Проверят все окрестные поля,
Под каждый куст заглянут, но найдут
Отца мне.

(ОФИЦЕР *уходит.*)

(ДОКТОРУ.)

Доктор, может ли наука
Восстановить утраченный рассудок?
Тому, кто это сделает, отдам
Я все на свете.
ВРАЧ. Снадобье у нас
Одно, мадам, природное: покой,
В котором он нуждается. А травы
Способствуют тому, чтоб государь
Уснул, а вместе с ним — его мученья.
КОРДЕЛИЯ. Вся мощь небес, все таинства земли
Излейте на него и помогите
Моим слезам страдания отца
Свести на нет! — Найдите мне его,
Чтобы в припадке ярости безумной
Он рук бы на себя не наложил.

(*Входит* ГОНЕЦ.)

ГОНЕЦ. Есть новости. Британские отряды
Идут сюда, мадам.
КОРДЕЛИЯ. Я это знаю.
И мы их встретим. Дорогой отец!
Я для тебя затеяла все это,
И царственного мужа моего
Помочь мне в этом деле умолила.

Не слава, не богатство, не расчет —
Любовь, любовь к отцу меня ведет.
И я им отомщу за старика.
Увидеть бы, услышать бы его.

(Уходят.)

Сцена пятая

Замок Глостера.

Входят РЕГАНА и ОСВАЛЬД.

РЕГАНА. Но армия на марше?
ОСВАЛЬД. Да, мадам.
РЕГАНА. И герцог все-таки ее возглавил?
ОСВАЛЬД. Наперекор желанью своему.
Его супруге больше подошла бы
Роль полководца.
РЕГАНА. Переговорили
Хозяин ваш и Эдмунд?
ОСВАЛЬД. Нет, мадам.
РЕГАНА. Что написала Эдмунду сестра?
ОСВАЛЬД. Не знаю, леди.
РЕГАНА. Он туда поехал
С каким-то важным делом. Вот же глупость!
Что толку было графа ослеплять
И не убить его? Любое сердце
Он может против нас воспламенить.
Наверно, Эдмунд пожалел отца
И хочет ночь кровешную его
Остановить навек и между делом
Разведать, что задумали враги.

ОСВАЛЬД. Я должен отвезти ему письмо.
РЕГАНА. Опасен путь. Поедешь завтра утром.
Мы выступаем.
ОСВАЛЬД. Не могу, мадам.
Приказ миледи: сразу же вернуться.
РЕГАНА. Зачем ей было Эдмунду писать?
Ты передал бы все и на словах.
Нет, что-то здесь не так... Но я узнаю.
Дай мне письмо — и можешь на мою
Любовь рассчитывать.
ОСВАЛЬД. Миледи, это свыше...
РЕГАНА. Мне ли не знать, что мужа своего
Сестра не любит? Как она смотрела
На Эдмунда — влюбленными глазами, —
Когда гостила в замке у меня!
Признайся, ты ведь сводник?
ОСВАЛЬД. Я?! Нисколько!
РЕГАНА. Уж я то знаю, что я говорю.
Но заруби себе ты на носу:
Мой муж погиб, и Эдмунд будет мой.
Он согласился. Согласись и ты:
Пока моя сестра не овдовела,
Не может он ее супругом стать.
Отдай ему вот это, если встретишь,
И передай сестре наш разговор.
Он ей пойдет на пользу. Ну, прощай.
А если ты слепого негодяя
Прикончишь, я тебя озолочу.
ОСВАЛЬД. Оцените вы преданность мою,
Как только я найду его.
РЕГАНА. Прощай.

(Уходят.)

Сцена шестая

Окрестности Дуэра.

Входят ГЛОСТЕР и ЭДГАР в крестьянской одежде.

ГЛОСТЕР. Где же вершина этого холма?

ЭДГАР. Рукой подать. Какой крутой подъем!

ГЛОСТЕР. А под ногами вроде бы равнина.

ЭДГАР. Равнина?! Жуть берет от высоты!

А море как шумит!

ГЛОСТЕР. Но я не слышу.

ЭДГАР. Мне кажется, другие ваши чувства

Мучительная глушит слепота.

ГЛОСТЕР. Наверное, ты прав. А голос твой

Как будто изменился. Ты иначе

Заговорил: осмысленно и точно.

ЭДГАР. Вы ошибаетесь. Сменить одежду

Не означает речь переменить.

ГЛОСТЕР. Но так убогие не говорят.

ЭДГАР. Ну, вот и взобрались мы. Глянешь вниз —

И голова закружится от страха.

Стрижи величиною со стрекоз

Меж нами и пучиною порхают.

Вон человек, не более головки

Булавочной, над кручею повис,

Срывая травы — промысел ужасный!

По отмели шагают рыбаки,

А сверху кажется: ползут, как мыши.

Заякоренный шлюп напоминает

Рыбачью шлюпку, та же, словно бакен,

Едва заметна глазу. Шепот волн,

Ласкающих береговые камни,

Почти не слышен — слишком высоко.

Нет, вниз нельзя смотреть. Мутится ум.

В глазах туман. Того и жди — сорвешься.

ГЛОСТЕР. Веди меня к обрыву.

ЭДГАР. Дайте руку.

Вот вы и на краю — остался шаг,

Но ни за что на свете я его

Не сделаю.

ГЛОСТЕР. Теперь оставь меня.

Мое кольцо возьми себе на память.

Молю богов, чтобы тебе оно

Удачу принесло. Прощай, дружок.

Но что-то я твоих шагов не слышу.

Ты не ушел?

ЭДГАР. Прощайте!

ГЛОСТЕР. Друг сердечный,

Прощай и ты!

ЭДГАР (*в сторону*). О если б мой обман

Отца от черных мыслей исцелил!

ГЛОСТЕР (*опускаясь на колени*). О боги всемогущие! Покинуть

Я этот мир задумал. Нету сил

Терпеть невыносимые мученья.

Иначе никогда б я не дерзнул

Наперекор священной вашей воле

Своей рукою тлеющий костер

Моей никчемной жизни погасить.

Не дайте только Эдгару пропасть,

Когда он жив. — Ты здесь еще, приятель?

ЭДГАР. Уже ушел.

ГЛОСТЕР *бросается вперед и падает.*

(*В сторону.*)

А вдруг воображенье

Похитит жизнь, коль скоро эта жизнь
Мечтает быть восхищенной сама?
Настроившись оставить это свет,
Отец вознесся мысленно на тот.

(Изменив голос.)

Неужто вправду умер? Сэр, вставайте!
Очнитесь, сэр! Вы слышите меня? —
Мой опыт мог убить его. Но вроде
Приходит он в себя. — Что с вами, сэр?
ГЛОСТЕР. Я умираю. Не мешай. Уйди.
ЭДГАР. Ты паутина, пух или перо?
Ведь с высоты немыслимой свалился
И должен был разбиться, как яйцо.
Но нет, ты дышишь, смотришь, говоришь.
Не бестелесен ты, но и не ранен,
Хотя с десятимачтовой скалы
Сорвался. Я таких чудес не видел.
Что ж ты молчишь?
ГЛОСТЕР. Но все же я упал?
ЭДГАР. С ужасного обрыва. Посмотри.
Звонкоголосых жаворонков вряд ли
Услышишь с этой меловой скалы.
Взгляни туда.
ГЛОСТЕР. Я не могу глядеть.
Несчастливым, значит, и самоубийство
Заказано? Ведь живы горемыки
Одной надеждой: погубив себя,
Перехитрить жестокого тирана
Назло бесчеловечности его.

ЭДГАР. Вставай. Я помогу тебе. Вот так.

Идти-то сможешь?

ГЛОСТЕР.   К сожалению, да.

ЭДГАР. Все это очень странно. Что с тобою

Стояло там, на темени горы?

ГЛОСТЕР. Бродяга бедный.

ЭДГАР.   Стоя под горою,

Я разглядел, как палило оно

Свои глаза — две полные луны;

Принюхивалось тысячью носов;

Трясло ветвисторогой головою,

Покачиваясь, словно на волне.

С тобою демон был там. Ты, отец,

Отделался легко. Благие боги

Все помыслы людские превосходят

Великими деяньями своими.

Вот почему ты спасся.

ГЛОСТЕР.   Я теперь

Все понял и готов страдать до смерти,

Пока она не скажет: «Ты свободен

И можешь умереть!». А демон тот

Казался человеком. Он не даром,

Когда мы шли, о бесах говорил.

ЭДГАР. Теперь твой дух очищен и спокоен. —

Но кто это?

Входит ЛИР, причудливо украшенный цветами.

Разумный человек

В таком наряде выйти не посмеет.

ЛИР. Чеканить деньги — право государя!

Никто мне не указ.

ЭДГАР.   О скорбный вид!

Я потрясен до глубины души!

ЛИР. Природа в этом смысле предпочтительней. Вот, солдат, твое жалованье. А этот недотепа с луком и стрелами вылитое воронье пугало. Видел, как портной материю отмеряет? Так и тетиву натягивай. Гляди, гляди — мышь! Тсс, тише. Вот сыр, сейчас мы ее поймаем. Где моя перчатка? Я хочу сразиться с Голиафом. Алебарды к бою! Стрелка птичкой полетела! Чик-чирик — и прямо в сердце! Стой! Кто идет? Говори пароль!

ЭДГАР. Душистый майоран.

ЛИР. Проходи.

ГЛОСТЕР. Мне этот голос, кажется, знаком.

ЛИР. Ха! У Гонерильи борода седая! Они стояли передо мной на задних лапках, почитали меня за возраст, хотя я был немногим старше их. Они были моим эхом. «Да», — говорил я. «Да», — отвечали они. «Нет», — говорил я. «Нет», — отвечали они. Хотя в заповедях божьих не сказано, что все должны соглашаться со всеми. Зато когда я промок до нитки, промерз до мозга костей, когда все кругом гремело, не обращая внимания на мои мольбы, — я увидел их подлинное нутро, я понял, что они за птицы. Их слово ничего не стоит. Они называли меня всесильным, хотя я не мог совладать с обычной малярией.

ГЛОСТЕР. Я вспомнил голос! Это же король!

ЛИР. Да, целиком и полностью — король.

Взгляну — и все дрожит. Живи покуда.

Что натворил ты? Изменил жене?

Но это не смертельно. Размножайся.

Ты не преступник. Мухи и букашки

Развратничают прямо на глазах.

Пусть все совокупаются со всеми!

Сын Глостера, рожденный вне закона,

С отцом своим нежнее обошелся,

Чем со своим — две дочери мои,

Плоды законной страсти. Вожденье!

Всех оплети своею паутиной!

Солдаты мне нужны. — Иная дама

Жеманничает, корчит недотрогу;

На личике написано, что лед
Меж ног у ней; и ушки зажимает,
Когда ей намекнут о наслажденье;
Сплошная добродетель, а на деле...
На деле — сладострастнее, чем сука
Или кобыла. Женщины — кентавры,
А женский поясок — водораздел:
Все то, что выше талии, — от бога;
Что ниже талии, — от сатаны.
Там пекло, ад крошечный, серный пламень,
Зловоние, мучение и смерть!
Тьфу, тьфу, тьфу! Добрый аптекарь, продай мне унцию розового масла: мои мозги
разят геенной! Вот тебе деньги.
ГЛОСТЕР. Дай руку мне твою поцеловать.
ЛИР. Пожалуйста. Я только вытру. Она пахнет смертью.
ГЛОСТЕР. Разрушенный осколок естества!
Так бранный мир состарится однажды
И в мерзость запустенья перейдет. —
Меня ты помнишь?
ЛИР. Я припоминаю твои глаза. Но мне не нравится твой прищур. Не надо в меня
целить, слепой Купидон. Я свое уже отлюбил. Я им пошлю вызов. Посмотри, как
написано.
ГЛОСТЕР. Пусть даже вспыхнут буквы — не увижу.
ЭДГАР (*в сторону*). Неужто так бывает?! Да, бывает!
И сердце разрывается от горя.
ЛИР. Читай же!
ГЛОСТЕР. Чем? Отверстиями для глаз?
ЛИР. Так бы сразу и сказал! И что дальше, безглазая твоя голова? Наверное, и
кошелек пуст? Если так, то голове твоей тяжело, кошельку легко. Теперь видишь, к
чему все идет?
ГЛОСТЕР. Скорее чувствую, чем вижу.
ЛИР. Ты что, совсем рехнулся? Нормальный человек и без глаз видит, что мир катится
в тартарары. Нет глаз — наостри уши. Слышал небось, как честный судья клянет

пойманного с поличным вора. А теперь прямо на твоих глазах я поменяю их местами. Раз-два-три! И поди разбери, кто тут вор, а кто судья, кто честен, а кто пойман с поличным. Видел, как хозяйский пес бросается на бродягу?

ГЛОСТЕР. Приходилось, сэр.

ЛИР. А несчастный оборванец от него удирает? Вот тебе точный образ государства.

Пес — это чиновник, которых держит в страхе все и вся.

За что, палач, ты шлюху исхлестал?

За то, что отказалась переспать

Она с тобою, кровожадный зверь?

Ты б лучше задницу свою подставил

Под ту же плеть. Вон жулика ведет

На дыбу ростовщик жуликоватый.

Видны пороки только сквозь лохмотья,

А сквозь меха не видно ничего.

Щит золотой, скрывающий грехи,

Копье закона ловко отобьет,

Тряпье же их не в силах защитить

От крохотной булавки обвиненья.

Никто ни в чем не виноват. Никто.

Ни в чем. Я поручусь за всех.

Бери пример с меня: уж я-то знаю,

Как прокурорам отвести глаза.

Стекляшками прикрой свою незрячесть

И утверждай, как интриган-политик,

Что видишь то, что видеть не дано.

Теперь... теперь... Сними же наконец

Ты сапоги с меня! Тяни, тяни!

ЭДГАР (*в сторону*). Все вперемешку: речи мудреца

И бред безумца.

ЛИР. Жизнь моя плачевна.

Поплачь о ней — возьми мои глаза.

Ты — Глостер. Я узнал тебя. Терпи.

Рождаемся мы с болью, с кровью, с плачем.

Наш выдох первый — это первый крик.

Постой. Тебе я проповедь прочту.

ГЛОСТЕР. О Господи!

ЛИР. Мы плачем оттого,

Что родились комедию ломать

На этой сцене. Вот в чем дело. В шляпе.

Вот в этой. А задумка неплохая!

Коням копыта войлоком подбить —

И на зятьев! Напасть исподтишка

И резать, резать, резать, резать, резать!

Входят ПРИДВОРНЫЙ и СЛУГИ.

ПРИДВОРНЫЙ. Смотрите, вот он. Только б не ушел.

Дочь ваша любящая, государь...

ЛИР. И здесь нашли! Я что вам — арестант?

Я — шут судьбы. Не трогайте меня.

За это вам заплатят. Где хирург?

Пусть вырежет мне опухоль в мозгу.

ПРИДВОРНЫЙ. Вас обеспечат всем необходимым.

ЛИР. Нет мне покоя. Все против меня.

Окаменеть бы мне. Но чтоб сочились

Глаза мои слезами, орошая

Осенний прах садов.

ПРИДВОРНЫЙ. Мой государь...

ЛИР. Нет, гордо встречу смерть! Лицом к лицу.

С улыбкой, как разряженный жених.

Король я, чтоб вы знали, господа.

ПРИДВОРНЫЙ. Мы вашему величеству послушны.

ЛИР. Значит, не все так плохо. Я пойду с вами. Только вам придется побегать за мной.

За мной, за мной, за мной!.. (*Убегает.*)

(СЛУГИ следуют за ним.)

ПРИДВОРНЫЙ. Бродяга в состоянии таком

Сочувствие нашел бы в ком угодно.

А тут король... Но у тебя есть дочь.

И если вправду проклята природа

Из-за твоих двух старших дочерей,

То младшая с нее проклятье снимет.

ЭДГАР. Привет вам, благородный господин.

ПРИДВОРНЫЙ. Чего тебе? Скорее говори.

Я тороплюсь.

ЭДГАР. Сражение состоится?

ПРИДВОРНЫЙ. Об этом каждый знает, кто не глух.

ЭДГАР. Скажите, если можно, где враги?

ПРИДВОРНЫЙ. Уже недалеко. Два-три часа —

И авангард британцев будет здесь.

ЭДГАР. И что же вы?

ПРИДВОРНЫЙ. Хотя у королевы

Какие-то дела, мы примем бой.

ЭДГАР. Благодарю вас, сэр.

(ПРИДВОРНЫЙ уходит.)

ГЛОСТЕР. Благие боги!

Прошу вас, запретите мне дышать,

Пока злой дух не вынудил меня

На жизнь свою еще раз посягнуть.

ЭДГАР. Так и молись, отец!

ГЛОСТЕР. Но кто вы, сэр?

ЭДГАР. Бедняк я, но сочувствием богат.

Судьба меня порядком потрепала.

Не понаслышке с горем я знаком.

Давай мне руку. И поищем вместе

Себе приют.

ГЛОСТЕР. Сердечно благодарен.

И пусть вас небеса благословят

И ниспослют вам всяческие блага!

Входит ОСВАЛЬД.

ОСВАЛЬД. Мне повезло! Заветная награда!

Да будет эта голова слепая

Краеугольным камнем моего

Благополучья! — Ты, изменник дряхлый,

Припомни, в чем ты грешен, и молись!

Меч обнажен. Ты должен умереть.

ГЛОСТЕР. Спасибо, друг. И пусть твоей руке

Достанет силы это совершить.

(ЭДГАР становится между ними.)

ОСВАЛЬД. Ты обнаглел, холоп! Не смей встречать!

О том, что он изменник, знают все.

Прочь, говорю! Не то его судьба

С твоею совпадет. Пусти его!

ЭДГАР. Вот страху-то! А ну как не пущу?

ОСВАЛЬД. Ты смеешь, раб? Ступай, покуда цел!

ЭДГАР. Мил человек, иди себе, куда идешь, а нашего брата, бедняка, не трожь. Уж больно ты грозен. «Покуда цел!». Я, право слово, чуть не околел от страха. А от дедушки отвязись. Я тебя по-хорошему прошу. А то как тресну дубинкой по головке! А знаешь, что треснет? Может, дубина, а может, и голова. Там поглядим. Короче, шел бы ты куда подальше.

ОСВАЛЬД. Сгинь, дерьмо!

ЭДГАР. Сам напросился, приятель. Сейчас я тебе зубы-то начищу. Плевать я хотел на твою железяку.

(Дерутся. ОСВАЛЬД падает.)

ОСВАЛЬД. Что ты наделал, раб! Вот кошелек.

Во имя процветанья своего

Предай меня земле. При мне письмо.

Его ждет Эдмунд Глостер. Он возглавил

Один отряд британский. — Отхожу...

Но почему так рано...

(Умирает.)

ЭДГАР.   Черт с тобой!

Я знал тебя, услужливый подлец,

Покорный раб порочной госпожи,

Ее желаний низменных угодник.

ГЛОСТЕР. Он умер?

ЭДГАР.   Да, отец. Не беспокойся.

Присядь. А я в карманах посмотрю.

Письмо мне это может пригодиться. —

Жаль, этот висельник ушел от петли. —

Нашел. Печать, позволь тебя сломать.

Неблагодарно это, знаю сам.

Однако, чтобы в шкуру влезть врагу,

Ему вскрывают грудь, а уж письмо —

Сам Бог велел...

(Читает.)

«Вспомни, как мы клялись друг другу! Именно теперь ты можешь прикончить его. Если, конечно, хочешь. Возможностей для этого — сколько угодно, времени и места — предостаточно. Его победа разрушит все мои надежды. Я останусь узницей, а его постель — моей еженощной дыбой. Вырви меня из этих потных до отвращения объятий и займись мною сам.

Твоя — хотела бы сказать — жена, на все для тебя готовая Гонерилья».

Желаньям самки нет конца и края!
Руками брата моего убить
Достойного супруга своего
И тут же стать супругою убийцы!
В песок зарою грешного гонца,
А герцогу, пока еще он жив,
Бумагу эту гнусную отдам.
Я думаю, что герцог будет рад
Пресечь и преступленье, и разврат.
ГЛОСТЕР. Король безумен. Как же очерствел
Мой низкий ум! Ничем его не взять.
Так изощрились чувства у меня,
Что ощущаю все мои страданья.
Сойди с ума я, в мыслях у меня
Погасла бы печаль, больная память
О горестях забыла б навсегда.
ЭДГАР. Дай руку мне.

(Барабанный бой вдали.)

Ты слышишь: барабаны!
Пора, отец. Пойдем к моим друзьям.

(Уходят.)

Сцена седьмая

Лагерь французов. Военная палатка.

ЛИР спит на походной постели. Подле него ПРИДВОРНЫЙ и СЛУГИ.

Входят КОРДЕЛИЯ, КЕНТ и ВРАЧ.

КОРДЕЛИЯ. Мой милый Кент! Что сделать мне, скажи,

Чтоб оценить твое великодушие,
Хотя твоим заслугам нет цены?
Всю жизнь тебе я буду благодарна.
КЕНТ. Признавшись в этом, вы уже и так
Переплатили мне. А рапорт мой
Правдив и краток: только то, что было.
Не больше и не меньше, госпожа.
КОРДЕЛИЯ. Переоденьтесь в лучшие одежды.
А этот траур о пережитом
Вам не к лицу.
КЕНТ. Простите, королева,
Но у меня совсем другие планы.
Пока я все не сделаю, как надо,
Вы обо мне и не упоминайте
КОРДЕЛИЯ. Да будет так, мой благородный Кент.

Входит ВРАЧ.

Король проснулся?
ВРАЧ. Нет еще, мадам.
КОРДЕЛИЯ. Благие боги! В крепости его
Разрушенной заделайте пролом!
Верните мне отца, что в детство впал
Из-за своих детей! Восстановите
Испорченный орган его души!
ВРАЧ. Коль вашему величеству угодно,
Мы государя можем разбудить.
Ему пора вставать.
КОРДЕЛИЯ. Как вам угодно.
Вы — доктор. Если надо, значит, надо.
Его переодели?
ПРИДВОРНЫЙ. Да, мадам.
Пока он спал, мы всю его одежду

Сменили без труда.

СЛУГИ *вносят спящего в кресле ЛИРА.*

ВРАЧ.   Давайте мы
При вас его разбудим. Я уверен,
Что буйствовать не станет государь.

КОРДЕЛИЯ. Будите.

ВРАЧ.   Попрошу вас подойти.
И пусть играет музыка погромче.

КОРДЕЛИЯ. О если б губы исцелять могли,
Я излечила бы, отец любимый,
Своими поцелуями все раны,
Которые тебе нанесены
Жестокосердием моих сестер.

КЕНТ. Вот какова дочерняя любовь!

КОРДЕЛИЯ. И посторонний мог бы пробудить
Сочувствие своею сединою!
Тебе ли принимать неравный бой
С бушующей стихией? Отражать
Непрочным шлемом собственных волос
Молниеносные раскаты грома?
Встречать лицом к лицу — больному старцу! —
Стремительные сполохи грозы,
Лихую сшибку молний смертоносных?
Я бы собак, которыми травил
Меня мой враг, пустила бы погреться
В такую ночь. А мой отец несчастный
В хлеву, среди подонков и свиней,
Ютился на соломенной подстилке!
Увы! Тогда он мог — что там рассудок! —
И жизнь утратить. — Кажется, проснулся.
Заговорите с ним.

ВРАЧ.   Ему не я,
А вы сейчас нужны.

КОРДЕЛИЯ.   Мой государь,
Как вам спалось? Здоровье ваше как?

ЛИР. Ты — райский дух, а я давно в могиле.
Не надо вновь меня колесовать,
Пытать огнем и выжигать мне щеки
Расплавленным свинцом моих же слез.

КОРДЕЛИЯ. Меня вы узнаете, государь?

ЛИР. Я же сказал: ты — дух. Но я не знаю,
Когда ты вознеслась.

КОРДЕЛИЯ.   Не узнает!

ВРАЧ. Терпенье. Он еще во власти сна.

ЛИР. Откуда я пришел? Где я сейчас?
Что это — свет? Зачем меня морочить?
На вашем месте я бы задохнулся
От жалости. А это чья рука?
Ой, укололся! Стало быть, моя.
И что теперь? Я это иль не я?

КОРДЕЛИЯ. Сюда взгляните! Возложите руку
На голову мою! Вы — на колени?!
Зачем, зачем?

ЛИР.   Ты надо мной смеешься?
Но так мне, дурню старому, и надо!
Мне восемьдесят лет. И даже больше.
Я, вероятно, выжил из ума,
Не то бы я сказал, что мне знакомы
И облик твой, и этот человек.
Но вы не верьте мне, ведь до сих пор
Я места этого не узнаю;
Не понимаю, чья на мне одежда;
Никак не вспомню, где я ночевал.
Не смейтесь надо мной. Но, если вдруг

Еще в своем уме я... мне сдается,

Что предо мной Корделия моя.

КОРДЕЛИЯ. Да, это я!

ЛИР. Ты плачешь?! Точно, плачет.

Но почему? Меня ты ненавидишь

И, если дашь мне яду, — я приму.

Я натерпелся от твоих сестер,

Хотя как будто ничего плохого

Не сделал им. Тебя же я обидел.

КОРДЕЛИЯ. Да нет же, нет!

ЛИР. А где я нахожусь?

Во Франции?

КЕНТ. Вы в собственной державе.

ЛИР. Мне не до шуток. Я не верю вам.

ВРАЧ. Нет, госпожа, причин для беспокойства.

Его безумие усыплено.

Но если вспомнит он пережитое,

Греха не оберешься. С королем

Наедине побудьте. Вот и все

Лечение на сегодня.

КОРДЕЛИЯ. Государь,

Вам не угодно ль будет отдохнуть?

ЛИР. Прошу: не принимай меня всерьез.

Забудь. Прости. Я стар. Я глуп. Я болен.

(Все, кроме КЕНТА и ПРИДВОРНОГО, уходят.)

ПРИДВОРНЫЙ. Сэр, действительно ли герцога Корнуэльского убили именно так, как об этом говорят?

КЕНТ. Это истинная правда, сэр.

ПРИДВОРНЫЙ. Кто же возглавил его отряды?

КЕНТ. По слухам, побочный сын Глостера.

ПРИДВОРНЫЙ. Поговаривают также, что его законный сын Эдгар и граф Кент бежали в Германию.

КЕНТ. Достоверных сведений нет. Но хватит об этом. Неприятель близко, надо готовиться к бою.

ПРИДВОРНЫЙ. И, похоже, весьма кровопролитному. Прощайте, сэр.

(Уходит.)

КЕНТ. Развязка близко. Прав я или нет,
Грядущее сражение даст ответ.

(Уходит.)

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Британский лагерь под Дувром.

Барабаны и знамена.

Входят ЭДМУНД, РЕГ АНА, ОФИЦЕРЫ и СОЛДАТЫ.

ЭДМУНД. Пусть герцог мне в конце концов ответит
Что он намерен делать. Или снова
Он все переиграл? Его сомненьям
И самообвиненьям нет предела.
Мне нужен точный план.

(ОФИЦЕР уходит.)

РЕГАНА.   Слуга сестры,
Погиб, наверно.

ЭДМУНД.   Очень может быть.

РЕГАНА. Мой милый граф, вы знаете, какое
В моей душе и замыслах моих
Отведено вам место. Посему
Скажите честно: вы не влюблены
В мою сестру?

ЭДГАР. Влюблен. Но лишь как брат.

РЕГАНА. С ее заветных мест вы не срывали
Покровы, как мой брат, ее супруг?

ЭДМУНД. И вам не стыдно это говорить?

РЕГНА. Похоже, благосклонностью сестры
Вы пользуетесь. Я не сомневаюсь:

Вы с нею дальше некуда зашли.

ЭДМУНД. Клянусь вам честью, это клевета!

РЕГАНА. Но если ты с ней близок, берегись.

Я отомщу вам.

ЭДМУНД. Так тому и быть.

Вот и она подъехала, с супругом.

Барабаны и знамена.

Входят АЛЬБАНИ, ГОНЕРИЛЬЯ и СОДАТЫ.

ГОНЕРИЛЬЯ (*в сторону*). Скорее отступлю я с поля битвы,

Чем Эдмунда Регане уступлю.

АЛЬБАНИ. Рад нашей встрече, милая сестра!

Известно мне, что к дочери король

Доставлен теми, кто не согласился

Выдерживать суровость нашей власти.

Я не могу сражаться, если честь

Моя со мной в разладе. Воевать

Я буду только с нашими врагами.

А государь наш и его друзья

Имеют право ненавидеть нас.

ЭДМУНД. Как это благородно!

РЕГАНА. И умно!

Но мы-то здесь при чем?

ГОНЕРИЛЬЯ. Объединиться

Нам следует перед лицом врага,

А личные и внутренние ссоры

На время отложить.

АЛЬБАНИ. Тогда я жду

Здесь командиров всех подразделений.

Обдумаем, что делать надлежит.

ЭДМУНД. Я задержусь. Отдам распоряженья.

РЕГАНА. Сестра, идешь?

ГОНЕРИЛЬЯ. Я тоже задержусь.

РЕГАНА. Прошу тебя: идем. Ты здесь нужна.

ГОНЕРИЛЬЯ. *(в сторону)*. Понять нетрудно, кто тебе здесь нужен.

Ну, что ж, иду я.

(Все хотят уйти. Навстречу АЛЬБАНИ выходит ЭДГАР.)

ЭДГАР.   Если ваша светлость

Послушает обычного солдата,

То кое-что узнает.

АЛЬБАНИ.   Говори. —

Я догоню вас.

(Все, кроме АЛЬБАНИ и ЭДГАРА уходят.)

ЭДГАР.   Вскройте перед боем

Письмо вот это. Если победите,

Пускай глашатай трижды протрубит.

Хоть я незнатен, выйдет за меня

Достойный рыцарь. Он и подтвердит

Своим оружием правоту письма.

А если проиграете, придется

Вам жизнь спасать — и тут не до интриг.

Но пусть фортуна улыбнется вам!

АЛЬБАНИ. Не уходи, пока письма не вскрою.

ЭДГАР. Мне ждать запрещено. Я появлюсь,

Когда глашатай вызовет меня.

АЛЬБАНИ. Тогда до встречи. Я прочту письмо.

(ЭДГАР уходит.)

ЭДМУНД возвращается.

ЭДМУНД. Враг в поле зренья. Развернем отряды.

Нам кое-что разведать удалось

О силах неприятеля. Вам надо
Поторопиться.
АЛЬБАНИ. Мы не опоздаем.

(Уходит.)

ЭДМУНД. Признался я в любви обеим сестрам,
Точнее — двум гадюкам ядовитым,
Готовым искушать одна другую.
Какую взять? Обеих? Ни одной?
Нет, умереть должна одна из них,
Чтобы другою мог я обладать.
Сойдись я со вдовою — Гонерилья
Сойдет с ума. Но при живом-то муже
На что она сдалась мне? Он — храбрец,
И в этой битве может пригодиться.
А после — пусть подумает супруга,
Как известить его. По доброте
Душевной он Корделию и Лира
В живых оставит, если попадутся.
Но пленников, поскольку я — солдат,
Спасти не сможет герцог-дипломат.

(Уходит.)

Сцена вторая

*Поле боя. За сценой шум битвы. По сцене с барабанами и знаменами проходит армия,
возглавляемая Лиром и Корделией.*

Входят ЭДГАР и ГЛОСТЕР.

ЭДГАР. Отец, я отыскал тебе приют.

Присядь в тени деревьев и молись
За то, чтоб справедливость победила.
А если я вернусь, то кое-чем
Обрадую тебя.
ГЛОСТЕР. Да ниспошлет
Тебе удачу небо всеблагое!

(ЭДГАР уходит.)

За сценой шум битвы, затем сигнал к отступлению.

ЭДГАР *возвращается.*

ЭДГАР. Бежим, старик, иначе мы погибли!

Корделия и Лир попали в плен.

Дай руку мне. Бежим!

ГЛОСТЕР. Я лучше сдохну,

А с места не сойду!

ЭДГАР. Опять ты взялся

За старое, отец? Мы не должны

Ни смерть винить, ни жизнью обольщаться,

А только быть готовы ко всему.

Давай же руку.

ГЛОСТЕР. Ладно. Ваша правда.

(Уходят.)

Сцена третья

Британский лагерь под Дувром.

Барабаны и знамена.

Победным маршем входит армия британцев, ОФИЦЕРЫ и СОЛДАТЫ.

Впереди — ЭДМУНД; позади — пленные ЛИР и КОРДЕЛИЯ.

ЭДМУНД. Арестовать их. Не спускать с них глаз,
Пока распоряженья не поступит,
Как злоумышленников наказать.

КОРДЕЛИЯ. Не мы одни надеялись на рай,
А к сатане попали невзначай.

Не за себя, отец мой и монарх, —
Я за тебя испытываю страх.

Отца и дочь, я думаю, покажут
Любимым сестрам, добрым дочерям?

ЛИР. Нет, нет! В тюрьму! И, словно птицы в клетке,
Мы будем петь. Я на колени стану,
И, если сможешь, ты простишь меня;
Захочешь — я тебя благословлю.

И заживем — под песни и молитвы,
Рассказывая сказки, улыбаясь
При виде бабочек золотокрылых.

С тюремной почтой нам передадут,
Кто из придворных преуспел, кто нет,
Кто взял свое, кто упустил чужое.

Нам, словно созерцателям от Бога,
Откроются все тайны бытия.

Мы не заметим в четырех стенах
Политики большой, ее течений,
Притоков и оттоков в виде партий,
Объединений...

ЭДМУНД. Уведите их!

ЛИР. Корделия, мы так с тобой несчастны,
Что сами боги молятся на нас.

Теперь ты здесь, со мной, — не оторвать
Нас друг от друга молнией небесной.

Не лисы мы, которых из норы

Горящей головнею выжигают.
Не плачь. Скорей враги перегрызутся,
От голода подохнут, чем слезинку
Мы из-за них прольем. — Ведите нас.

(Лира и Корделию уводят.)

ЭДМУНД. Возьми бумагу эту, капитан.
Препроводи в тюрьму их. Ты со мной
Уже вступил на лестницу успеха;
Приказ исполнишь — высоко взойдешь.
Ты знаешь сам, какое нынче время, —
Должны мы соответствовать ему.
Меч не имеет права мягким быть.
Задание мое не признает
Вопросов никаких. Одно из двух:
Ты выполнишь его или найдешь
Другого покровителя себе.
КАПИТАН. Все сделаю, милорд.
ЭДМУНД. Я так и думал.
Исполнишь — станешь баловнем судьбы.
Все остальное сказано в приказе.
Все сделай быстро, точно, аккуратно.
КАПИТАН. Кормить овсом, в телегу запрягать
Не станете? Тогда готов служить.

(Уходит.)

Трубы. Входят АЛЬБАНИ, ГОНЕРИЛЬЯ, РЕГАНА, ОФИЦЕРЫ и СОЛДАТЫ.

АЛЬБАНИ. Хотя вы, сэр, сегодня доказали,
Что мужеству сопутствует удача,
Я вам приказываю выдать пленных,

Которых захватили вы в бою.
А мы уже решим, что с ними делать
Во имя безопасности страны.
ЭДМУНД. Я был обязан пленников таких
Под стражу взять. Он как-никак король,
Он стар, он болен — это привлекло
К нему сердца наемников моих
И так их возмутило, что они
Могли бы нас, своих же командиров,
Поднять на копья. Я и королеву
По этой же причине задержал.
А завтра или, может, послезавтра
Я вам их передам. Сейчас не время.
Солдаты не остыли от сраженья.
Досталась им треклятая победа, —
Как в раздраженье говорят они, —
Ценою пота, крови и потерь.
Обсудим мы еще, как поступить
С Корделией и Лиром.
АЛЬБАНИ.   Вы забылись!
Не смейте, сэр, со мною говорить,
Как равный с равным! Вы — мой подчиненный.
РЕГАНА. Но прежде чем его на место ставить,
Вам следовало расспросить меня.
А вдруг я захочу его возвысить?
Ведь он возглавил армию мою
И заменил меня на поле битвы.
Согласно полномочиям своим
Считаться вашим братом может граф.
ГОНЕРИЛЬЯ. Сестра, не горячись. Он — победитель.
А этот титул равен твоему.
РЕГАНА. Почти. Но не совсем. Но есть возможность
И эту разницу преодолеть.

АЛЬБАНИ. Возможность на себе его женить?

РЕГАНА. Шутник порой бывает ясновидцем.

ГОНЕРИЛЬЯ. Но этот ясновидцем не слывет.

РЕГАНА. Не по себе мне что-то, а иначе

Тебе б я пару ласковых сказала. —

Мой генерал, тебе я отдаю

Своих солдат и пленных, и владенья.

Распоряжайся всем и даже мной:

Меня ты штурмом взял, — я отдаюсь

И делаю тебя своим супругом

И герцогом, властителем своим.

ГОНЕРИЛЬЯ. По-твоему, ты своего добилась?

АЛЬБАНИ. А ты ей, что же, хочешь помешать?

ЭДМУНД. А ты не можешь, герцог.

АЛЬБАНИ. Нет, ублюдок!

Я все могу.

РЕГАНА (ЭДМУНДУ). Оружьем докажи,

Что ты меня и титула достоин.

Вели бить в барабаны!

АЛЬБАНИ. Стой! Ни с места!

Ты, Эдмунд, государственный преступник

И будешь арестован. Твой позор

Разделит эта золотая тварь.

(Указывает на ГОНЕРИЛЬЮ.)

А вам я должен, милая сестра,

Сказать, что, исходя из интересов

Моей жены, я не позволю вам

Вступить с ним в брак: они обручены.

И если вы еще хотите замуж,

То я к услугам вашим.

ГОНЕРИЛЬЯ. Жалкий шут!

АЛЬБАНИ. Ты — рыцарь, Глостер, ты вооружен.
Вели трубить, и если ни один
На зов не выйдет и тебе в лицо
Не бросит, что ты изверг и предатель,
То я это скажу.

(Бросает перчатку.)

Не съем ни крошки,
Пока не докажу мечом, что сердце
Твое еще чернее, чем ты сам.
РЕГАНА. Мне стало хуже!
ГОНЕРИЛЬЯ *(в сторону)*. Действует отравка!
И в этот раз она не подвела.
ЭДМУНД *(бросая перчатку)*. Я принимаю вызов! Объявить,
Что я изменник, может только лжец!
Никто иной так подло не поступит. —
Пускай трубят! Я вызываю всех!
Тебя, тебя, тебя! Я отстою
Оружьем честь свою и правоту.
АЛЬБАНИ. Герольд, ко мне!
ЭДМУНД. Герольд, ко мне! Герольд!
АЛЬБАНИ. Командовать забудь! Твои солдаты
Сражались под командою моею,
И я их распустил.
РЕГАНА. Все хуже мне!
АЛЬБАНИ. Пусть отведут ее в мою палатку.
Ей нездоровится.

(РЕГАНУ уводят.)

Входит ГЕРОЛЬД.

Ко мне! Сюда!

Труби, герольд, а после огласи

Бумагу эту!

ОФИЦЕР. Начинай, герольд!

Звук трубы.

ГЕРОЛЬД (*читает*). «Всякий рыцарь, чей титул или звание дают ему право обвинить Эдмунда, свежеепеченного графа Глостера, в многочисленных изменах, пусть объявится при третьем звуке трубы, ибо граф намерен защищаться ото всех обвинений».

ЭДМУНД. Труби, герольд!

Трубят в первый раз.

ОФИЦЕР.

Труби еще!

Трубят во второй раз.

ОФИЦЕР.

Труби!

Трубят в третий раз.

За сценой в ответ звучит труба.

Входит вооруженный ЭДГАР. Впереди него ТРУБАЧ.

АЛЬБАНИ. Узнай, кто он такой, чего он хочет,

С какою целью выступил вперед.

ГЕРОЛЬД. Как ваше имя, звание и титул?

Зачем на зов трубы явились вы?

ЭДГАР. Остался я без имени. Сгубили

Его клыки измены ядовитой,

Покрыла плесень грязной клеветы.

Трубы. Схватка. ЭДМУНД падает.

АЛЬБАНИ. Оставь его в живых!

ГОНЕРИЛЬЯ. Интрига это, Глостер! Кодекс чести

Не вынуждает отвечать на вызов

Неведомых соперников. Тебя

Не одолели, а перехитрили.

АЛЬБАНИ. Молчать! Не то я сам заткну вам рот

Бумагой этой. — Глостер, посмотри:

Послание адресовано тебе. —

(ГОНЕРИЛЬЕ.)

Не знаю, как назвать тебя: ты хуже

Всего на свете. Хочешь перечесать?

Показывает письмо.

Зачем же рвать! Письмо писала ты?

ГОНЕРИЛЬЯ. Хотя б и я. Здесь вотчина моя,

А не твоя. Что мне твои законы!

АЛЬБАНИ. Чудовище! Ты, значит, сознавала,

Что делаешь?

ГОНЕРИЛЬЯ. Тебе какое дело?

(Уходит.)

АЛЬБАНИ. Следить за ней. В отчаянье она

На все способна.

(ОФИЦЕР уходит.)

ЭДМУНД.   Список преступлений

Моих составлен верно. Но не думай,
Что он исчерпан. Время не пришло
Сказать о том, что поросло быльем.
А мой черед настал. Я должен знать,
Кто одолел меня. И если вправду
Ты благороден, я тебя прошу.

ЭДГАР. Тогда я тоже буду откровенным.
По благородству мы с тобой равны.
А если я чуть выше, ты стократ
Виновней предо мной. Я — Эдгар Глостер.
Мы, если помнишь, братья по отцу.
Суровы боги: как ни сладок грех,
Он для людей источник наказания.
В порочной тьме зачал тебя отец
И зрением за это заплатил.

ЭДМУНД. Ты прав. Я колесом судьбы раздавлен
За то, что был судьбою вознесен.

АЛЬБАНИ. Позволь тебя обнять. Твой гордый облик
Мне все сказал о знатности твоей.
Пусть разорвется сердце у меня
От горя, если твоего отца
Я предал, а тебя возненавидел.

ЭДГАР. Милорд, я в этом и не сомневался.

АЛЬБАНИ. Как спасся ты? И от кого узнал
О злочлукчньях своего отца?

ЭДГАР. Как за младенцем, я за ним ходил,
И, если сердце выдержит мое,
Поведаю об этом в двух словах.
Когда за мною бросились в погоню,
Чтобы затем казнить, я убедился,
Насколько жизнь прекрасна, если мы
Идем на муки, только б избежать

Мгновенной смерти. Притворился я
Юродивым, надел тряпье такое,
Что от меня шарахались собаки.
Так встретил я отца... Его глазницы
Кровоточащие напоминали
Оправы, из которых только что
Два чистых бриллианта извлекли.
Я стал ему и нянькой, и кормильцем,
Я вел его и утешал, как мог,
И только перед боем, сомневаясь
В победе и надеясь победить,
Сказал отцу, кто я такой, поведал
О бедствиях моих и попросил
Благословения. Но перехода
От горя к счастью не перенесло
Его больное сердце. Он скончался
С улыбкой на устах.

ЭДМУНД.   Я потрясен.
Быть может, это мне пойдет на пользу.
Но твой рассказ, мне кажется, не кончен...

АЛЬБАНИ. Нет, хватит горестных воспоминаний.
Я слезы еле-еле удержал,
Пока ты говорил.

ЭДГАР.   Казалось, есть
Несчастиям предел, но, даже если
Идет за горем горе, не достичь
Границ отчаянья. — Я не заметил,
Пока рыдал, как подошел ко мне
Какой-то человек. Он знал меня,
Когда я Томом был, но отвращенье
Питал ко мне, а тут, едва ему
Открылся я, он сразу заключил
Меня в свои железные объятья.

Упав на труп отца, он так стenal,
Что небо содрогнулось. Он поведал
Про участь Лира — повести печальней
Никто не слышал. От нее он впал
В такое горе, что лишился чувств,
И жизнь его на ниточке повисла.
Тут битва началась, и мне пришлось
Его покинуть.
АЛЬБАНИ. Кто же это был?
ЭДГАР. Достойный Кент, которого король
Назвал врагом и прочь прогнал. Но Кент,
Переодевшись, шел за господином
И, словно раб, служил ему.

Входит ПРИДВОРНЫЙ с окровавленным кинжалом.

ПРИДВОРНЫЙ.   На помощь!
ЭДГАР. Что это значит?
АЛЬБАНИ.   Говори скорей!
ЭДГАР. Кинжал в крови?
ПРИДВОРНЫЙ.   Он вынут мной из сердца
И не остыл еще... Она мертва.
АЛЬБАНИ. О ком ты?
ПРИДВОРНЫЙ.   О супруге вашей, сэр.
Но прежде чем себя убить, она
Призналась, что сестре дала отраву.
ЭДМУНД. Помолвлен я с обеими — и кровью
Скреплен теперь наш тройственный союз.
АЛЬБАНИ. Доставить их сюда — живых ли, мертвых.
Нисколько нам не жаль сестер, но все же
Ужасна кара высшего суда.

(ПРИДВОРНЫЙ уходит.)

ЭДГАР. А вот и Кент.

Входит КЕНТ.

АЛЬБАНИ. Я рад вас видеть, сэр!

Увы, не до любезностей сейчас,
Которые диктует нам учтивость.

КЕНТ. А где мой повелитель? Государю
Пришел я доброй ночи пожелать.

ЭДГАР. Забыли мы о главном деле! Эдмунд,
Где прячешь ты Корделию и Лира?

(Вносят тела ГОНЕРИЛЬИ и РЕГАНЫ.)

Ты это видишь, Кент?

КЕНТ. Что это значит?

ЭДМУНД. Что Эдмунда две женщины любили,
И для него одна из них пошла
На отравление и самоубийство.

АЛЬБАНИ. Все так и было. Лица им прикройте.

ЭДМУНД. Я задыхаюсь. Хоть ни разу в жизни
Не делал я добра, но напоследок...

Бегите в крепость! Я велел убить

Корделию и Лира. Торопитесь!

АЛЬБАНИ. Бегите! Не теряйте ни минуты!

ЭДГАР. Да, но к кому должны мы обратиться?

Как отменить приказ твой?

ЭДМУНД. Хорошо,

Что ты об этом вспомнил. Капитану

Отдай мой меч.

АЛЬБАНИ. Беги же! Торопись!

(ЭДГАР *уходит.*)

ЭДМУНД. Я и твоя супруга предписали
Корделию повесить в каземате
И слух пустить, что, мол, она сама
Повесилась, не выдержав страданий.
АЛЬБАНИ. Не дайте, боги, погубить ее! —
А этого отсюда унести.

(ЭДМУНДА уносят.)

Входят ЛИР с мертвой КОРДЕЛИЕЙ на руках, ЭДГАР, ОФИЦЕРЫ и СОЛДАТЫ.

ЛИР. Стенайте! Голосите! Убивайтесь!
Вы каменные, что ли? Посмотрите!

Когда б имел я ваши языки,
Я так вопил бы — лопнуло бы небо!

Она скончалась — я же мертвецом
Не назову живого человека.

Она холодной стала, как могила.
Кто зеркальце мне даст, — я поднесу

К ее губам, и, если замутится,
Она не умерла.

КЕНТ.   Неужто это
И есть начало светопреставленья?

ЭДГАР. Отображенье ужасов небесных?
АЛЬБАНИ. Крушение земных первооснов?

ЛИР. Пушинка шелохнулась. Дышит, дышит!

И если вдруг окажется жива,
Тогда мои мученья не напрасны.

КЕНТ. Мой добрый господин!

ЛИР.   Подите про

ЭДГАР. Но это друг ваш, благородный Кент.

ЛИР. Чума на вас, предатели, убийцы!
Я должен был, я мог ее спасти.
И вот мою Корделию убили.
Корделия, постой, не уходи!
Что говоришь, не слышу? Голос твой
Был нежный и глубокий. Очень женский.
А это так чудесно. Я убил
Того мерзавца, что тебя повесил.
ОФИЦЕР. Я это подтверждаю, господа.
ЛИР. Еще бы, друг! В былые времена
Они все у меня бы поплясали.
Но я старик, и меч мой притупился.
Страдания нам на пользу не идут.
Я знаете ли, плохо видеть стал.
Кто вы такой?
КЕНТ. Милорд, пред вами тот,
Кто вместе с вами волею фортуны
Достиг высот и рухнул с высоты.
ЛИР. Здесь так темно. Вы Кент?
КЕНТ. Ваш верный Кент.
А где ваш верный Кай?
ЛИР. Сказать по правде,
Отчаянный и смелый был солдат.
Стал пищей для червей.
КЕНТ. О нет, милорд.
Я — это Кай.
ЛИР. Что ж, очень может быть.
КЕНТ. С тех пор, как изменила вам судьба,
Я был всегда при вас.
ЛИР. Я верю вам.
КЕНТ. И больше ничего. Сплошная тьма.
Распад и пустота. Была ужасна
Кончина ваших старших дочерей.

ЛИР. Наверное.

АЛЬБАНИ. Он нас не понимает.

И говорить ему, кто мы такие,

Я думаю, нет смысла.

ЭДГАР.   Никакого.

Входит ОФИЦЕР.

ОФИЦЕР. Скончался Эдмунд.

АЛЬБАНИ.   Это пустяки.

Милорды! Благородные друзья!

Намерен я все сделать для того,

Чтоб устранить последствия войны.

Я в пользу государя откажусь

От властных полномочий. Пусть он правит

До самой смерти.

(ЭДГАРУ и КЕНТУ.)

Вы же заслужили

Не только возвращенья ваших прав,

Но умноженья их. Пусть наслаются

Друзья плодами верности и чести,

А недруги осушат полный кубок

Страданий за предательство свое.

Но что с ним! Посмотрите! Посмотрите!

ЛИР. И мой несчастный шут повешен тоже. —

Нет — жизни! Жизни — нет! — Но почему

Живут собака, лошадь, даже крыса,

А ты дышать не можешь? Нет тебя.

Ушла навек. Навек. Навек. Навек.

Вы б расстегнули пуговицу мне.

Спасибо, сэр. Смотрите, шевельнулась!

И губы — тоже. Видели? Я видел...

(Умирает.)

ЭДГАР. Лишился чувств? Скончался? Государь!

КЕНТ. Зачем ты, сердце, не разорвалось!

ЭДГАР. Мой государь, взгляните на меня!

КЕНТ. Его душа отходит. Не мешай.

Жизнь для него была сплошною пыткой,

И слава Богу кончилась она.

ЭДГАР. Он умер.

КЕНТ.   В чем душа его держалась,

Чтобы так долго выносить страдания?

Не понимаю.

АЛЬБАНИ. Мертвых унесите.

Оплакать их еще нам предстоит.

КЕНТУ и ЭДГАРУ.

Без вас, друзья, поднять я не рискну

Войною разоренную страну.

КЕНТ. Меня король зовет. В последний раз.

И я обязан выполнить приказ.

ЭДГАР. Как тяжело! Не выразить словами

Глубокой скорби, овладевшей нами.

Но брать пример со старших смысла нет:

Не доживем мы до преклонных лет.

Похоронный марш.

(Все уходят.)

12 июня 1992 — 26, 30 июля 2000; 25 июля 2005

г. Орск